

A woman with long, wavy blonde hair and a blue gown with a white lace bodice and long sleeves sits on a path in a garden. The path is lined with vibrant pink and red roses. In the background, a large, ivy-covered house with many windows is visible. The scene is framed by a black wrought-iron gate on the left and right. The overall atmosphere is romantic and classic.

ТАНЯ АКЕНТЬЕВА

ИЗГНАННАЯ ЖЕНА
или
РОДИЛЬНЫЙ ДОМ
ГОСПОЖИ ПОПАДАНКИ

Таня Акентьева

Изгнанная жена

<https://litres.ru/74367948>

Аннотация

— Ты врешь! – сквозь слёзы кричала она. – Врешь! Он жив! Я слышала его крики! Слышала, как он плакал! Верни мне сына, Дэймон! Прошу тебя! Умоляю! Верни...

Хлёсткая пощёчина оборвала её речь на полуслове.

Шок. Неверие. Практически паника отразились у неё на лице.

Алессандра смотрела в когда-то родное лицо и не могла поверить, что он ударил её... *** Узнав о предательстве мужа Алессандра Гранд вынуждена покинуть свой дом и отправиться в старое забытое поместье. Но в дороге её карета срывается с обрыва, и она погибает. Нелепая смерть? Или всё же подстроенная? В любом случае, боги не готовы её отпустить, ведь женщина связана с ними клятвой. Но как быть, если душа Алессандры наотрез отказывается вернуться в своё тело? Ясно что - подселить в её тело, душу опытной акушерки с Земли. Подселить ту, которая ради чужого ребёнка готова на всё...

ХЭ будет у всех, кто того заслуживает :)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Визуалы	13
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	66
Глава 14	70
Глава 15	77
Глава 16	81
Глава 17	87
Глава 18	93
Глава 19	97
Глава 20	104
Глава 21	108
Глава 22	114

Глава 23	119
Глава 24	124
Глава 25	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1

Изгнанная жена или Родильный дом госпожи попаданки

В покоях Алесандры Гранд стояла оглушительная, совсем безрадостная тишина, что было как не менее странно.

Разве приход в этот мир новой жизни не повод для празднеств? Где поздравления? Смех? Вздуродраженные, счастливые голоса? Где всё это?

Но нет... Не было ничего.

Сама роженица, измученная тяжёлыми родами, безмятежно спала.

Возле постели, застыв изваянием, замерла её личная горничная. Дыша через раз, она боялась даже пошевелиться, чтобы ненароком не разбудить свою госпожу.

И не нарушить ЕГО приказ.

Дэймон Гранд - дракон, представитель древнего рода, законный супруг леди Алесандры, перед своим уходом, повелевал:

— Не смейте будить её! Алесандра должна как можно дольше находиться в неведении!

Сделав знак повитухе, они забрали младенца и поспешно ушли, практически сбежали, оставив служанку наедине с Алесандрой.

После родов прошло уже более часа, но горничная за всё

это время даже не шелохнулась. Она знала, послушаться, значит пропасть. Сгинуть так же, как до этого, совершенно загадочным способом, из особняка пропало несколько слуг. Все они посмели послушаться. Оказали непочтение, чем заслужили строгую кару. Глупые. Разве можно перечить дракону? О, нет. Она не повторит их ошибки!

Но когда за дверью раздались шаги, женщина отмерла и бросилась к выходу. Она должна была любым способом остановить незваного гостя.

Но увидев, кто стоит перед ней, женщина покорно склонила голову и поспешно отступила, давая тому пройти.

— Она всё ещё спит? — С заметным раздражением бросил Деймон, бросая взгляд на жену и останавливаясь у изножья кровати.

— Как вы и приказывали, льер Дэймон. — она едва слышно ответила.

— Ну так разбуди её! — громко, нисколько не заботясь о покое роженицы, приказал тот.

Горничная не медля бросилась к кровати, но её услуг больше не требовалось.

Алессандра уже была разбужена шумом. Услышав голос супруга, она распахнула глаза и едва не задохнулась от счастья, вспомнив, что буквально пару часов назад она подарила этому миру новую жизнь.

Мазнув затуманенным взглядом по лицу мужа, она уста-

вилаась за спину горничной.

— Где мой ребёнок, Дэймон? – обеспокоенно спросила она, не в силах отвести глаз от пустой колыбели. – Где наш сын? – практически закричала. – Зачем вы унесли его? Это твоя мать приказала, да? Немедленно принесите мне малыша! Я хочу видеть сына!

Но её супруг не сделал ни шага.

– Алессандра, послушай... – мужчина замолчал, словно подбирая слова, затем, понизив голос до хрипоты, со скорбным видом изрёк: – Ребёнок родился мёртвым. У нас больше нет сына. Как, впрочем, нет больше "нас".

Женщина не придавала значения его последним словам.

В голове набатом звучало: "Ребёнок родился мёртвым..."

Её грудь сдавило тисками от чувства тяжёлой утраты. Но она упорно отказывалась верить в это.

— Что ты сейчас сказал? – она вскинул взгляд на Дэймона. – Ты верно пошутил, да? Но дорогой, такими вещами не шутят. Ты накликаешь беду на нашего сына!

Он точно пошутил. По другому и быть не может! Ведь они столько времени ждали его!

Алессандра рассмеялась.

Её смех был похож на смех сумасшедшего.

– Перестань, Алессандра! – в голосе Деймона не было ни капли сочувствия.

Обжигающий ледяной взгляд и властные нотки в его голосе могли заставить подчиниться любого, но не её.

Женщина была не в силах совладать с собой и продолжала истерически хохотать. Тогда мужчина в два шага преодолел расстояние между ними и, схватив Алессандру за плечи, так сильно встряхнул её, что у той клацнули зубы.

С помощью своей грубости он добился желаемого, Алессандра замолчала, испуганно глядя на него.

— Он мёртв... - сквозь стиснутые зубы прошипел Деймон.
— Слышишь? Мёртв!

С губ женщины сорвался всхлип, затем она начала гневно колотить кулаками ему по груди.

— Ты врёшь! – сквозь слёзы закричала она. – Врёшь! Он жив! Я слышала его крик! Слышала, как он плакал! Верни мне сына, Дэймон! Прошу тебя! Умоляю! Верни...

Хлёсткая пощёчина оборвала её речь на полуслове.

Шок. Неверие. Практически паника отразились у неё на лице.

Расширившимися от удивления глазами она смотрела в когда-то родное лицо и не могла поверить, что он ударил её. Впервые, за несколько лет брака, он поднял на неё руку.

Неужели всё то, что с ней сейчас происходит реально?

Она неотрывно смотрела в глаза мужа и не понимала: как можно, всего за несколько часов, превратиться из любящего, заботливого мужа в сурового, хладнокровного тирана?

— Заткнись! – зло выплюнул он. — Прекрати истерить!

— Он жив... – беззвучно, одними губами, шептала она. – Я чувствую это... Я должна увидеть его...

— Чувствуешь? – взревел Демон, схватил Алесандру за волосы и грубо стащил с кровати. – Увидеть хочешь? Я покажу... Покажу тебе его тело...

Глава 2

Отпустив волосы и перехватив её за руку, Дэймон силой поволок женщину к выходу. Алессандра что есть силы сопротивлялась, но все её попытки освободиться от его стальной хватки, изначально были обречены на провал. Их силы были совсем неравны. И чем больше она брыкалась, тем сильнее сжимал свои пальцы дракон. Казалось, ещё немного и он просто сломает ей руку. Боль была настолько невыносима, что в какой-то момент она не сдержалась и закричала.

— Отпусти меня, Дэймон! — сквозь рыдания, взмолилась она. — Ты причиняешь мне боль!

Но мужчина лишь усмехнулся и ещё сильнее сжал её руку.

— Ты ведь сама напросилась! — с поражающим спокойствием бросил он. — Ты хотела увидеть сына? Ты умоляла меня? Так я покажу тебе его! Исполню так сказать твою последнюю просьбу!

Алессандра бессильно глотала жгучие слёзы. Она чувствовала, как по её бёдрам течёт что-то вязкое и горячее. А он, уже практически волоком, продолжал тащить её к двери, не обращая никакого внимания на кровавые разводы, что оставались там, где прошли они.

Но когда до дверей оставалось всего-то пару шагов, та неожиданно распахнулась и на пороге появились две женщины.

— Что здесь происходит, Дэймон? — с неподдельным беспокойством спросила та, что постарше, и, встав в проход, перегородила мужчине путь.

Дэймон остановился, но руку не отпустил.

— Эта дрянь, — он дёрнул Алессандру на себя, отчего ноги её подогнулись и она рухнула позади него на колени. — Она посмела подвергнуть сомнениям мои слова. — процедил дракон. — Она не верит, что ребёнок родился мёртвым. Желает посмотреть на него. Разве я могу отказать обожаемой жёнушке?

— Но так нельзя, милый! — женщина обогнула мужчину и присела напротив его супруги. Заботливо убрав растрепавшиеся волосы с лица Алессандры, она внимательно на неё посмотрела. — Алессандра ещё слаба, ей нужен покой. Ты разве забыл, что повитуха сказала? У твоей жены были тяжёлые роды и ей жизненно необходимо провести в постели ещё как минимум несколько дней. Мы же не хотим, чтобы она тоже погибла?

Все эти слова она произнесла с мягкой улыбкой, но не услышав ответа, резко, с нажимом, добавила:

— Не хотим же, Дэймон?

— Нет...

Он наконец разжал пальцы и отошёл в сторону.

— Давай, милая, поднимайся. — женщина встала и, подхватив Алессандру под локоток, потянула её на себя. — Вставай, Алессандра. Этой ночью ты отдохнёшь, а сына уви-

дишь завтра, когда наберешься сил. Хорошо?

Алессандра с благодарностью на неё посмотрела, затем неуверенно кивнула.

Женщина, что вступилась за неё, была матерью Дэймона. Все эти годы, что они прожили под одной крышей, Алессандра покорно выполняла все её указания. Она восхищалась ей. По доброму завидовала её опыту, мудрости и рассудительности. Алессандру покоряло то, что не смотря на возраст, а матери Дэймона было далеко за пятьдесят, эта женщина каким-то непостижимым образом умудрялась сохранять свою привлекательность. Вот и сейчас, единственной кто пришёл ей на помощь, оказалась мать её, но в тот же время "чужого" мужа.

Алессандра вскинула беспомощный взгляд на мужчину, но тот, проигнорировал её немую мольбу. Засунув руки в карманы брюк он, со скучающим выражением лица, бродил взглядом по комнате. Алессандра не узнавала его. Куда делся тот, кого она обожала? Тот, кто по единому зову, спешил к ней на помощь. Где тот мужчина, что взхлёб говорил ей о любви? Он же умолял подарить ему сына...

Разве можно вот так, всего за несколько часов, разлюбить того, в ком ранее души не чаял?

Или никогда не любил? Неужели столько времени притворялся?

Даже если и так... Зачем? Господи! Зачем ему это?

Визуалы

Визуалы

Алессандра Гранд

Просто милая девушка, которая хотела любить...

Дэймон Гранд

Изменищик и предатель

Его мать лъера Ванесса

А это уже наша попаданка в теле Алессандры)

А вот кто этот красивый мужчина, узнаем чуть позже...

Глава 3

— Ну давай же, Алессандра! — мать Дэймона вновь потянула её на себя.

Но женщина была настолько обессилена родами, а после схваткой с супругом, что не смогла подняться даже с помощью его матери.

— Дэймон, помоги мне. — Бросила та, с укором смотря на сына, но тот лишь пожал плечами, мол это всё без меня. — Джорджия! Ступай сюда! Помоги мне уложить госпожу на кровать!

Горничная, всё это время молчаливо наблюдавшая за происходящим, сорвалась с места и подбежала к ним. Подхватив Алессандру под обе руки они наконец уложили её на постель.

Сбив подушки под головой Алессандры и заботливо укрыв её одеялом, служанка вновь отступила в тень и покорно замерла там в ожидании указаний. Мать Дэймона тоже уже было хотела оставить невестку, но та успела схватить её за руку.

— Не уходите, лъера Ванесса, — попросила её Алессандра и покосилась в сторону мужа. — Мне страшно оставаться одной.

— Ты не одна, милая. — свекровь успокаивающе погладила её по голове. — С тобой останется горничная. Если тебе что-то потребуется, то ты можешь передать мне свою прось-

бу с Джорджией. А сейчас отдыхай.

Она аккуратно, но настойчиво убрала со своей руки пальцы Алессандры и отступила на шаг.

— Прошу вас, скажите, — голос Алессандры звенел от напряжения. - Скажите, мой сын...

Но мать Дэймона не дала ей договорить. Она накрыла ладонью губы роженицы, заставляя ту замолчать и укоризненно покачала головой.

— Тсссс... - приложила палец к губам. — Мы же договорились с тобой. Я отвечу на все твои вопросы, но завтра. А сейчас спи...

Алессандре не оставалось ничего, как повиноваться ей.

Женщина довольно кивнула и указала сыну на дверь.

— Идём, Дэймон, — не терпящим возражения тоном, приказала она и быстрым, уверенным шагом пошла к выходу.

Мужчина сокрушённо вздохнул, бросил презрительный взгляд на жену и пошёл вслед за ней.

— Пойдём, Лавиния.

Услышала Алессандра и удивлённо вскинула взгляд. Девушка, что пришла с матерью Дэймона всё так же стояла в проходе. Она была ей незнакома. И как бы Алессандра не старалась, ей не удалось рассмотреть её, так как та, подгоняемая свекровью, уже скрылась из её поле зрения.

Единственное, что отпечаталось в памяти Алессандры - это торжествующая улыбка на губах незнакомки.

Но тогда Алессандра не придавала тому никакого значения. Не до того было. Ведь прежде чем за их спинами закрылась дверь, до неё долетел возмущённый рык мужа.

— Почему я не могу остаться? — словно обесчещенная дева вопил он. — Я должен сообщить ей о нашем разводе! По твоей прихоти, я столько времени терпел эту женщину! Чего тебе ещё нужно? Мы добились желаемого, а значит можем выкинуть эту дешёвку вон!

— Заткнись, Дэймон! - гневно приказала свекровь. — Ты чуть не убил её! Как бы ты тогда стал объясняться перед жрецами? Она непременно уедет, но только тогда, когда я того пожелаю! А если ты продолжишь на каждом углу кричать о содеянном, то...

Дальнейший разговор Алессандре не удалось услышать. А причиной тому была горничная. Бесшумно вынырнув из своего укрытия, она плотно прикрыла дверь и, обернувшись, спросила:

— Льера Алессандра, позвольте принести горячей воды, чтобы смыть с ваших ног кровь?

Алессандра позволительно кивнула, дождалась пока ты выйдет за дверь, затем со стоном придвинулась к краю кровати. Она должна встать! Должна найти своего сына! Ведь чтобы они не говорили, Алессандра не верила им. Она явно слышала, как плакал её ребёнок.

Получается, его унесли и где-то спрятали! И ей всего-то нужно его найти...

Дорогие читатели, рада приветствовать вас в моей новинке!

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и писать комментарии.

Обратная связь очень важна для автора.

Отдельная благодарность за звёзды, что вы зажигаете в честь этой книги)

(звёзды не те, что под главами, а там, где указано общее количество звёзд. Либо кнопка "Мне нравится")

Глава 4

От слабости кружилась голова, в глазах темнело, а собственное тело отказывалось слушать её. Но мысли о сыне не покидали головы Алессандры. Стиснув зубы, преодолевая боль, она смогла спустить ноги с кровати, затем медленно села. Перед глазами всё поплыло. Схватившись за прикроватный столбик, она ещё пару минут просто сидела, давая телу привыкнуть, затем встала и сделала шаг в сторону выхода.

В тот момент она не думала о себе. Её нисколько не заботило, что кровь струйками продолжает стекать по её бёдрам. Не понимала, как это опасно.

Да даже если бы понимала, что ей её жизнь? Разве сможет она пережить такую утрату?

Уж лучше умереть...

В тот момент её материнское сердце разрывалось от боли, и эта боль была намного сильнее физической.

Как они могли так поступить с ней? Она верила им. Любила его. Доверяла льере Ванессе.

За что они так с ней? Неужели они не боятся кары богов?

Дойдя до середины комнаты, Алессандра покачнулась и едва не упала. Ей пришлось потратить остатки сил, на то, чтобы устоять на ногах.

— Я должна найти его... Должна... Он не может быть мертв... — она всхлипнула и, ухватившись за спинку дивана,

сделала ещё один шаг. — Он плакал... Он и сейчас плачет...

Ещё один шаг... Второй...

И когда, казалось бы, до дверей оставалось всего ничего, тело Алессандры не выдержало: глаза заволокло мглой, в ушах зашумело и её скрутила острая боль в животе.

Находясь на грани потери сознания, она начала медленно оседать на пол.

С её губ сорвался душераздирающий вой, затем она провалилась во тьму...

В себя пришла от того, что кто-то бережно, стараясь не навредить роженице, ощупывает её живот.

Открыв глаза, Алессандра увидела рядом с собой повитуху, ту, что принимала у неё роды.

— Что со мной? — едва слышно спросила.

Повитуха, увидев, что Алессандра пришла в себя, отступила и бросила себе за плечо:

— Сообщите лъере Ванессе, что лъера Алессандра пришла в себя.

Джорджия поспешно удалилась из комнаты. Сама же повитуха подошла к столу, наполнила стакан чем-то мутным и, вернувшись к кровати, склонилась над Алессандрой.

— Выпейте, лъера. — она приподняла голову женщины и преподнесла к её губам край стакана.

Алессандра не спешила глотать неизвестную жидкость. Она качнула головой и попыталась отстраниться. Но повитуха настойчиво повторила.

— Выпейте, льера. — она слегка надавила на губы роженицы. — Вы потеряли слишком много крови. Этот настой поможет вам восстановиться. Он придаст вам сил.

В этот раз Алессандра не стала противиться и послушно сделала несколько глотков.

Повитуха довольно кивнула и отошла.

— Не понимаю, что могло пойти не так? — задумчиво глядя на Алессандру протянула она. - Когда я уходила, кровотечения не было. Не стоило вам, льера Алессандра, так рано вставать.

— Мадам Хосса, — Алессандра протянула в её сторону руку. — Прошу вас, подойдите.

Дождавшись, когда повитуха выполнит её просьбу, она схватила её за руку и торопливо, заговорила:

— Мадам Хосса, скажите, он родился живой? Вы должны знать, ведь ваши руки принимали его... Прошу вас, скажите мне правду! Мой сын... Он жив?

Повитуха потупила взгляд, мертвецки побледнела и задрожала.

— Скажите мне правду! — продолжала настаивать Алессандра. — Я заплачу вам! Заплачу больше, чем заплатили они! У меня есть деньги, есть золото! Я всё отдам вам, только скажите!

— Я не понимаю, что вы от меня хотите, льера! - испуганно вскрикнула повитуха и попыталась снять руку роженицы со своей, но Алессандра только сильнее сжала её запястье.

— Скажите мне! — с горящим взглядом, прошипела она и дёрнула её за руку на себя.

Повитуха, не ожидавшая такого напора от обессиленной женщины, едва ли не упала на Алессандру.

— Говори, не то побью, — со всей злостью пообещала роженица.

— Не знаюю я ничегоооо... — завывла та и закрыла глаза, готовясь к удару.

Но в этот момент дверь распахнулась и в комнату ворвалась льера Ванесса.

— Алессандра, дорогая! — воскликнула она, спешно приближаясь к кровати. — Ты заставила меня волноваться! Зачем ты встала с постели?

Алессандра досадливо поморщилась и отпустила руку повитухи, та прытко отскочила и скрылась в дальнем углу.

Какое-то время Алессандра молча смотрела на свекровь, затем вновь начала умолять:

— Льера Ванесса, всё то время, что провела рядом с вами, я ни разу не оказала вам непочтения. Я полюбила вас, как мать! Так прошу же, не откажите, принесите мне сына...

— Хорошо, — неожиданно быстро сдалась свекровь. — Хосса, принеси ребёнка.

Она склонилась к Алессандре и с напущенной заботой погладила её по щеке. Затем грустно вздохнула и приложила платочек к сухим глазам.

— Увидев его, ты убедишься, что младенец умер при ро-

дах... — прошептала она.

Глава 5

Спустя пару минут в покои вернулась Хосса.

Алессандра увидела на её согнутых руках крохотный свёрток и с облегчением выдохнула. В глазах засветилось счастье, губы дрогнули в вымученной улыбке.

Но, не дойдя до кровати, повитуха в нерешительности остановилась.

— Дайте его мне! — Алессандру ничуть не смутило, что младенец не издаёт ни звука. Она нетерпеливо протянула руки и выжидающе посмотрела на Хоссу.

Повитуха же не отводила взгляда от лъеры Ванессы. Она ждала, что скажет та. Позволит ли?

Но лъера Ванесса была не готова так рисковать. Она едва заметно качнула головой, давая Хоссе понять, чтобы та не смела отдавать Алессандре ребёнка. Затем подошла к ней и скинула с лица новорождённого край пелёнки.

Глазам Алессандры представилось землистого цвета личико. Заостренный носик, впалые глазки, опущенные уголки губ и лёгкое вдавливание висков говорило о том, что ребёнок действительно мёртв.

Руки Алессандры безвольно упали. Ещё какое-то время она тоскливо смотрела на малыша, затем закричала.

Закричала так, как может кричать только раненный зверь - дико, истошно, мучительно.

Душа её разрывалась на сотни кусочков, сердце кровото-чило. Выгнувшись, словно в припадке, она забилась в исте-рике.

— Унесите отсюда ребёнка! — прокричала лъера Ванесса и бросилась к Алессандре.

Схватив невестку за плечи, она пыталась её удержать, не дать той упасть, но боль матери, потерявшей ребёнка бы-ла настолько сильна, что казалось в её тело вселилось трое крепких мужчин. Одним толчком она отшвырнула от себя лъеру Ванессу и попыталась встать, чтобы догнать спешно убегающую из комнаты повитуху, но старуха проявила на-меренную прыть и, резво подбежав обратно, остановила её. Схватив Алессандру за плечи, она прижала её к кровати.

— Хосса! Джорджия! Помогите мне! — приказала старая лъера.

Но на помощь ей бросилась лишь служанка, а Хосса в этот момент уже тайком выходила из особняка, унося с собой под покрывами ночи, крохотное тельце ребёнка.

Джорджия, же подбежав к Алессандре, навалилась на неё своим телом, тем самым лишая возможности двигаться. Ещё какое-то время Алессандра пыталась вырваться, но вскоре, обессилив, утихла. Она больше не кричала, не плакала. Жен-щина просто лежала и опустошенно смотрела в одну точку перед собой.

Дав знак служанке отойти, лъера Ванесса присела рядом с невесткой. Тяжело дыша, она смерила женщину строгим

ВЗГЛЯДОМ.

— Теперь ты убедилась? — спросила она, но Алессандра молчала, тогда старая лъера ободряюще похлопала её по руке, затем встала и пошла прочь из комнаты. — Не оставляй её одну. — бросила она горничной. — И не позволяй подниматься с кровати. Нам нужно избежать очередного кровотоечения. Иначе, нам её уже не спасти.

Служанка покорно склонила голову и заняла свой пост у изголовья кровати...

Под утро у Алессандры началась горячка. Тело женщины горело огнём, всю её колотило крупным ознобом, а сознание с трудом пробивалось сквозь полубредовый туман.

Лъера Ванесса была вне себя от тревоги. Но, не за больную, а за свою репутацию. Что будет если Алессандра умрёт? А если прознают, что роды прошли без осложнений, а роженницу по какой-то причине не уберегли? И ладно если удастся обмануть простой люд, то от жрецов они не смогут ничего утаить.

Всё то время, что Алессандра провела в бессознательном состоянии, женщина непрерывно звала сына.

Что не укрылось от внимания лекаря, которого было решено привести к Алессандре.

— Где сейчас ребёнок и почему он не с матерью? — спрашивал он.

— Там где ему и положено быть — с кормилицей. А к матери его не несут по одной, совершенно ясной причине:

вдруг болезнь Алессандры заразна и упаси бог если младенец подхватит эту заразу. — заботливо отвечала льера.

Лекарь согласно кивал и делал всё, чтобы как можно скорее привести роженицу в чувство.

На третий день жар спал. И необходимость постоянного присутствия лекаря рядом с больной больше не требовался. Щедро отблагодарив лекаря за его работу, и, недвусмысленно дав понять, чтобы тот не болтал языком, она отпустила его восвояси. Сама же продолжала днями и ночами находиться рядом с невесткой. Она не доверяла её никому, кроме себя. Это было немыслимо для дамы её положения, но льера самолично стирала пот тряпкой со лба Алессандры, помогала Джорджии менять её сорочки и обмывать её тело.

Она делала всё, чтобы, в случае гибели Алессандры, обелить себя и избежать кары жрецов.

Прошло ещё несколько дней, но Алессандра так и не пришла себя.

Страх льеры Ванессы усиливался.

Она настойчиво вливала в полуоткрытые губы больной те микстуры, что оставил ей лекарь. А чтобы Алессандра не умерла от голоду, без устали пичкала её укрепляющими отварами.

От постоянных переживаний у льеры Ванессы началась мигрень. От недоедания и плохого сна - слабость. Впервые за всю свою долгую жизнь старая льера почувствовала каково это быть старой. Она стала сдавать: кожа её стала едва ли не

серого цвета, под глазами круги, а руки дрожали так, словно её лихорадило.

За всё это время её сын Дэймон Гранд ни разу не посетил комнату Алессандры. Его совсем не волновало состояние супруги. Казалось уми она, он только возрадуется.

Его мать не осуждала его, ведь по её воле он женился на Алессандре. Любя совсем другую женщину, он покорно связал себя узами брака с не любимой. Несколько лет он великолепно играл свою роль! Просто сейчас сорвался... Добился желаемого...

Ведь пришло время и Алессандра наконец подарила ей внука, а ему сына. Теперь Дэймон может пожить и для себя...

Только вот как поступить с Алессандрой, она ещё не решила.

Возможно будет правильным выслать её в их старое имение и содержать её там? Либо заявить, что женщина больна и сослать в пансион?

Женщина устало расстёрла лицо морщинистыми руками.
— Главное, чтобы она пришла в себя, а там решим... — тихо прошептала она, глядя на смертельно бледное лицо Алессандры.

Глава 6

Под утро шестого дня Алессандра наконец-то очнулась. Открыв глаза, она безмолвно смотрела перед собой.

— Слава всевышнему, ты очнулась! — с неподдельным облегчением возликовала старая льера. — Ну и напугала ты нас, Алессандра. Как ты? Как себя чувствуешь?

Женщина проигнорировала вопросы старухи и вновь закрыла глаза; одинокая слеза медленно скатилась у неё по щеке.

— Ну будет - будет, — свекровь заботливо смахнула слезу. — Я понимаю, твоя боль безгранична. Да и пережить такую утрату не всем по силам, но ты ещё молода и сможешь родить уйму детей!

Алессандра даже не шелохнулась в ответ.

Ещё какое-то время льера Ванесса смотрела на когда-то прекрасное, а теперь осунувшееся лицо Алессандры, затем виновато опустила глаза.

Её раздирали противоречивые чувства: она чувствовала вину за собой, ей бы признаться, облегчить душу... Но на весах стояло счастье её сына, и, как бы она ни хотела, ей придётся всю оставшуюся жизнь прожить с тем грузом обмана, что она сама на себя возложила.

Едва дотронувшись до руки невестки, она тихо произнесла:

— Я пойду, Алессандра, а ты отдыхай. — Старуха начала вставать, но пошатнулась, схватилась руками за голову и со стоном опустилась обратно. — Джорджия, помоги, — глухо позвала горничную и совсем слабо добавила: — Мне что-то нехорошо.

Служанка тут же бросилась на помощь льере. Подхватив ту под локоть, она помогла ей подняться и, поддерживая её под руку, повела к выходу.

Алессандра открыла глаза только тогда, когда за женщинами хлопнула дверь.

Она не знала, как ей жить дальше. Внутри её была пустота. Казалось, что вместо сердца у неё теперь зияет дыра, которую ввек не заполнить.

Не было больше боли, страданий... Вообще ничего.

Вся её счастливая жизнь рассыпалась в один момент - муж изменился до неузнаваемости, свекровь предала, а сына она не уберегла.

Хотелось закрыть глаза и больше никогда не просыпаться. Почему? Почему она не умерла вместо него?

Женщина тихо заплакала.

Весь день Алессандра провела в одиночестве; Джорджия, всё время наблюдавшая за ней из угла, не в счёт. В груди женщины ещё теплилась крохотная надежда, что Дэймон придёт и станет умолять её о прощении. Она искала оправдание его поведению и вконец решила, что у её горячо любимого мужа просто помутился рассудок от горя. Так же как и у неё.

Но когда к вечеру дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел взбешённый дракон, все надежды вмиг испарились.

Её глаза широко распахнулись, а рот открылся в немом крике ужаса, когда она смотрела на внешне спокойного, а внутри до смерти разъярённого мужа: его ноздри нервно хватали воздух, в глазах полыхала ярость, на скулах играли крупные бугристые желваки.

Опасно сузив глаза, он приблизился, склонился над ней и, сжав её горло рукой, с всепоглощающей ненавистью прошипел:

— Это ты виновата. Ты!

Алессандра не понимала.

— О чём ты, Дэймон? — просипела она, схватившись обеими руками за его пальцы в жалкой попытке освободиться.

— Это ты виновата, что моя мать слегла! — выплюнул он и ещё сильнее сжал пальцы.

Воздух в её лёгких заканчивался стремительно быстро, вскоре она захрипела и заколотила руками ему по плечу.

Мужчина усмехнулся и, слава богам, ослабил хватку, а по прошествии пары секунд и вовсе отпустил Алессандру. Отойдя от неё, он уселся в объёмное кожаное кресло, стоящее у камина, и, вальяжно устроившись в нём, впился взглядом в жену.

Он молчал и просто смотрел на неё, пока Алессандра откашливалась и жадно глотала воздух.

И лишь когда женщина утихла, он холодно продолжал:

— Впрочем, я даже благодарен тебе. Пусть побыстрее умрёт. Я так устал жить по её правилам!

— Как ты можешь так говорить, Дэймон? — тихо возмутилась Алессандра. — Она твоя мать!

— И что с того? — мужчина беспечно пожал плечами. — Ты просто не знаешь, каково это — всю жизнь плясать под её дудку. Я и женился на тебе только потому, что она так хотела. Ей, видите ли, захотелось внуков! Пришлось подчиниться. Но ты оказалась не такой плодovитой, как рассчитывала моя матушка. Пришлось потратить на тебя целых два года! Только подумать, два бессмысленно прожитых года!

Алессандра слушала и не верила своим ушам. Получается, он её и не любил никогда?

— Но... Жрецы! Они подтвердили наш брак с тобой! Связали нас истинными узами любви! Если бы они не увидели твоих искренних чувств ко мне, они бы никогда не заключили брак между нами! Как ты смог обмануть их?

Дэймон нервно рассмеялся.

— О, ты недооцениваешь Ванессу, — просмеявшись, ответил он. — Она и не на такое способна! Всего-то потребовалось прикупить пару зельев... — в этот момент он словно спохватился, что сказал лишнего, и резко замолчал. — Хватит об этом!

Дэймон поднялся и подошёл к Алессандре.

Женщина испуганно отпрянула от него.

— Не бойся, не трону, — презрительно бросил он. — Завтра утром ты уезжаешь. Навсегда покинешь мой замок.

— Но...

— Не смей противиться, Алессандра. Моя бы воля, я бы вышвырнул тебя прямо сейчас, но матушка умоляла меня не делать этого. Я не смог ей отказать, надеюсь, это была её последняя воля...

— Ты чудовище, Дэймон, — почти беззвучно прошептала она, смотря на супруга.

Но тот не придавал никакого значения её словам и с ледяным спокойствием продолжал:

— До развода поживёшь в моём старом имении. После можешь валить куда тебе будет угодно... Хоть обратно в монастырь. И не вздумай порочить моё имя за пределами замка, иначе я сломаю тебе шею, любимая!

Он в голос расхохотался и бодро зашагал в сторону двери, но в проходе остановился, обернулся и добавил:

— Прежде чем уехать, зайди к умирающей старухе, она, видите ли, пожелала попрощаться с тобой. Ну а я, уж прости, — усмехнулся. — Провожать не выйду тебя. Хватит с меня. Не могу больше видеть твоё смазливое личико... Противно...

Глава 7

Алессандра стояла у постели льеры Ванессы и не могла поверить глазам.

Ещё вчера она видела перед собой ухоженную благородную даму, сейчас же перед ней лежала немощная старуха: белая, словно алебастровая кожа, пустые чёрные глаза на бледном досиневылице и сияющие серебром волосы производили жуткое впечатление.

— Присядь, Алессандра. — Старая льера похлопала ладонью рядом с собой.

Алессандру обуревали сомнения: в её сердце огнём пылала обида, но в то же время ей было знакомо такое чувство, как милосердие.

Присев рядом с льерой, она взяла её за руку и с тревогой спросила:

— Как вы себя чувствуете, льера Ванесса?

Старуха слегка сжала её пальцы и тяжело, со свистом, вздохнула.

— Плохо, милая, — тихо произнесла. — Чувствую, недолго мне осталось.

— Не говорите так, льера! — Алессандра смахнула набежавшие слёзы. — Вы непременно поправитесь!

— Не в этот раз, Алессандра. Не в этот раз... Хватит с меня. Пришло время расплачиваться за все свои прегрешения,

— старуха замолчала, переводя дыхание, затем неожиданно вскрикнула: — Обещай мне, Алессандра! Прошу тебя, обещай...

Не договорив, льера Ванесса закашлялась и устало прикрыла глаза.

— Что обещать? — Алессандра не понимала, что от неё хочет свекровь.

Ещё пару минут льера молчала, потом начала говорить:

— Обещай, что уедешь отсюда как можно скорее. Уезжай, Алессандра. Умоляю тебя! Сделай так, как он того хочет. Я взяла обещание с Дэймона, что он не станет отправлять тебя назад в монастырь, а отвезёт в наше поместье и будет каждый месяц переводить на твой счёт несколько тысяч диар. Этих денег тебе хватит на безбедную жизнь.

— Спасибо вам, льера Ванесса, — горько усмехнувшись, поблагодарила её Алессандра. — Но я не приму от него ни диара! Мне не нужны деньги вашего сына...

— Не смей отказываться! — перебила её льера. — Это малость, что я могу сделать для тебя... Я ведь так перед тобой виновата... Так виновата...

Плечи её затряслись, и она беззвучно заплакала.

Алессандра с жалостью смотрела на страдания льеры. Она с горечью понимала, что ничем не сможет помочь ей.

— Я прощаю вас, льера. — Женщина успокаивающе погладила ту по плечу. — Прощаю... А сейчас мне нужно идти. Внизу меня ждёт карета.

Алессандра хотела было подняться, но неожиданно старая льяра схватила её за руку и жарко зашептала сквозь слёзы:

— Ты даже не представляешь, какой грех у меня на душе! Я не могу... Не хочу вот так уходить! Ты должна... должна знать!

Старуха перевела свой горящий взгляд на служанок, что стояли возле дверей.

— Пошли прочь! — Повелела им и, дождавшись, когда те выйдут и закроют дверь за собой, вновь взглянула на неё. — Твой сын, Алессандра... Он жив!

Сердце Алессандры болезненно сжалось, в глазах потемнело.

Резко выдернув руку из пальцев свекрови, она закричала:

— Не смейте! Слышите? Не смейте так поступать со мной! Это жестоко — вот так вот играть на чувствах! Я собственными глазами видела его тело. Мой ребёнок... Мой мальчик... Он мёртв!

— Послушай меня, Алессандра... Ты должна меня выслушать! — старуха так на неё посмотрела, что Алессандра не смогла отказать, кивнув, она вся погрузилась в слух. — Вспомни тот день, когда мы приехали за тобой в монастырь. Вспомни его. Тогда мы сказали, что попали туда случайно, но мы приехали за тобой. В твоей крови, Алессандра, присутствует кровь драконов, а твои родители были представителями древнего великого рода. Именно поэтому наш выбор пал на тебя. Ты идеально подходила на роль супруги моему

сыну! А какое потомство вы могли дать! Но Дэймон едва всё не испортил. На одном из приёмов мой сын без памяти влюбился в дочку местного льера и слышать больше о тебе не хотел! Он был одержим ею! Но она простой человек. От их связи не могло появиться одарённых детей. Я убеждала Дэймона одуматься, просила, умоляла. В конце концов мне пришлось надавить на него, пригрозить, что лишу его всего — титула, денег, связей, тогда он сдался и согласился на брак с тобой, но при условии, что ваш союз продлится лишь до того, как ты понесёшь и благополучно родишь ему сына. Тогда он должен был забрать новорожденного и развестись с тобой. Мы были уверены, что сможем договориться с тобой... Но совсем не ожидали, что ты так полюбишь его и вашего ещё не рождённого малыша. Мы поняли, что ни за какие богатства ты не отдашь нам его. Казалось, выхода не было, но тут Лавиния предложила подменить живого младенца на мёртвого... Мы согласились. Добавив в питье сонное зелье и дав выпить тебе его после родов, мы унесли малыша, а Хосса принесла из деревни мёртвого сына крестьянки. Его, а не твоего мальчика мы показали тебе! Прости! Прости меня, Алессандра!

Алессандра была шокирована услышанным. Она и подумать не могла, что все те люди, которых она так любила, настолько гнилы. Злость и обида переполняли её. Она глубоко презирала всех их. Ненавидела!

И в то же время внутри неё всё трепетало от счастья.

Её сын! Её крохотный ангелочек жив!

Она хотела увидеть его. Прямо сейчас! Немедленно!

— Я заберу его! – вскрикнула она.

Позабыв о том, что она ещё слишком слаба, Алессандра резко поднялась и едва не упала. Её тело ещё не окрепло после болезни, она с трудом держалась на ногах. Преодолевая боль, игнорируя слабость, она медленно направилась к выходу. Алессандра была намерена найти Дэймона и потребовать у него вернуть ей сына.

— Постой, Алессандра! — Крик старухи заставил её замереть. — Не делай этого!

Женщина обернулась и смерила старую льеру уничтожающим взглядом...

— Что вы ещё хотите? — с холодом спросила её Алессандра. — Неужели вы думаете, что я оставлю вам сына? Отдам самое дорогое тем, кто сломал мою жизнь?

— Не спеши, Алессандра! Прошу тебя, подумай. Если Дэймон узнает, что ты всё знаешь, он уничтожит тебя! Ты ещё слишком слаба, чтобы дать ему достойный отпор. Умоляю тебя, Алессандра... Уезжай!!! Я уверяю тебя, что твой сын сейчас в безопасности. Лавиния обожает его, считает своим! Ни она, ни Дэймон никогда не обидят его! Ты же всегда сможешь вернуться...

— Замолчите, — яростно перебила её Алессандра. — Ни слова больше! Я ни на минуту, ни на секунду больше не останусь в этом проклятом замке и ни за что не оставлю здесь

сына! А вам... Вам никогда не добиться моего прощения!

В последний раз бросив взгляд на старую льеру, Алесандра упрямо вздёгнула подбородок и направилась на поиски мужа...

Глава 8

Алессандре хотелось бежать, как можно быстрее мчаться на встречу с сыном, но вместо этого она едва передвигала ногами. С каждым пройденным шагом силы заканчивались. От слабости кружилась голова, мелькали мушки перед глазами. Но понимание того, что где-то рядом твой новорожденный сын, заставляло её упрямо идти вперёд.

Она точно знала куда идти.

Миновав комнату мужа, она свернула в один из боковых коридоров и пошла в гостевое крыло. Она почему-то была уверена, что именно здесь Дэймон прячет от неё сына.

Алессандра останавливалась у каждой закрытой двери, прислушивалась, убеждалась, что в покоях нет никого, и только затем продолжала идти. Удача улыбнулась ей, когда женщина уже отчаялась найти их. Подойдя к крайней двери, она услышала тихий голос своего мужа и счастливый смех его женщины.

Дрожащей рукой она схватилась за ручку двери и потянула её на себя.

Дверь бесшумно открылась.

Глазам Алессандры предстала ошеломляющая картина: Лавиния сидела в мягком винтажном кресле и держала на руках малыша. Её лицо светилось от счастья, на губах играла улыбка. Любовница мужа с восхищением взирала на чужого

ребёнка, любовалась каждой чёрточкой его крохотного лица.

Возле её ног, прямо на полу сидел Дэймон. Он с такой любовью смотрел на них, что Алессандра могла только позавидовать им.

Теперь она убедилась, своими глазами увидела, как выглядит истинная любовь. Он никогда так не смотрел на неё...

Алессандра смотрела на их счастливые лица, а у самой сердце разрывалось на части. Она поняла: старая льера была права, Дэймон не отдаст ей ребёнка.

"Если Дэймон узнает, что ты всё знаешь, он уничтожит тебя! Ты ещё слишком слаба, чтобы дать ему достойный отпор. Умоляю тебя, Алессандра... Уезжай!!! Я уверяю тебя, что твой сын сейчас в безопасности. Лавиния обожает его, считает своим! Ни она, ни Дэймон никогда не обидят его! Ты же всегда сможешь вернуться..." — вспомнила она слова свекрови.

Дэймон уничтожит её... Он пойдёт на всё лишь бы сберечь то, что имеет.

А Алессандра... Что может сделать она? Разве только уличить мужа в обмане и устроить скандал.

Либо упасть в ноги дракона и умолять, заклинять всеми богами отдать ей ребёнка...

Но зная крутой нрав супруга, Алессандра понимала, что всё чтобы она не сделала будет тщетно. Она только в очередной раз унижится...

По её щекам стекали слёзы отчаяния.

Закусив до боли губу, чтобы не закричать от обиды, Алессандра, закрыла дверь.

— Я клянусь... Клянусь всеми богами, что вскоре вернусь и заберу тебя! — с жаром прошептала она, затем развернулась и, словно побитая дворняга, поплелась прочь из замка...

С каждым пройденным часом, карета всё больше отдалялась от замка, унося Алессандру в новую жизнь.

В жизнь, где она будет совершенно одна...

Ей пришлось подавить свои чувства, она заставила себя отступить, чтобы когда-нибудь вернуться и победить.

Сейчас же она была слишком слаба.

Алессандра не могла противостоять жестокому дракону, не могла препятствовать ему, как и не могла забрать ребёнка с собой. Ослабленная родами и болезнью, измученная дорогой она легла на жёсткое сиденье кареты и устало прикрыла глаза. Она знала: путь предстоит неблизкий и если она хочет пережить эту дорогу, то ей нужно заставить себя отдохнуть. Но как бы она не старалась - уснуть не получалось. Её голову не покидали тревожные мысли, она всей душой рвалась вернуться назад. Алессандра вновь села и, потянувшись, выглянула в окно.

Снаружи, монотонно и безнадёжно, в стать её настроение, шёл дождь, из-за чего, по мощённой камнями дороге, стекали извилистые ручейки. Сам же путь проходил через узкое ущелье: с одной стороны гора, с другой — обрыв.

"Только смельчак или глупец решится на переезд в такую

погоду," — подумала Алессандра и спешно отстранилась от окна.

Почуднее устроившись на скамье, она погрузилась в воспоминания...

Перед её глазами отчётливо всплыл день их свадьбы. Ох, какой же счастливой она была, когда жрецы...

О, Боги!

Почему она раньше не подумала о них.

Жрецы! Вот кто поможет ей! Она должна прямо сейчас рассказать им!

Глаза её полыхнули бунтарным огнём, сердце волнительно застучало. Женщина резко развернулась и начала колотить кулаком по стенке кареты.

— Останови! — закричала она. — Приказываю тебе, немедленно останови карету!

С трудом дождавшись, когда лошадь замедлит свой ход, она распахнула дверцу и, высунувшись из неё головой, прокричала возничему:

— Разворачивай!

— К-к-как разворачивать? — мужчина, что сидел на передке, удивлённо округлил глаза.

— Разворачивай, говорю тебе!

— Не положено, лъера. — он покачал головой. — У меня приказ от хозяина, отвезти вас в поместье да там и оставить...

— К чёрту приказ! К демону Дэймона! — яростно воскликнула женщина. — Я ещё пока твоя госпожа и ты обя-

зан повиноваться мне! Разворачивайся и, как можно быстрее, гони свою клячу! Нам нужно до темна прибыть в храм Силены!

— Но... — начал было возничий, но Алессандра так на него посмотрела, что тот не осмелился ей перечить.

Понутив голову и пробурчав что-то себе под нос, он потянул вожжи в сторону.

Довольная собой Алессандра заняла прежнее место и с поражающим злорадством, начала обдумывать, как она обо всё расскажет жрецам. Она была уверена, что они непременно накажут Дэймона за обман. Но главное, они вернут ей сына!

Неожиданно, прямо под ней раздался треск ломаемого колеса. Карета резко дёрнулась и накренилась. Не удержавшись, Алессандра упала и ударилась головой об край противоположной скамьи. От боли потемнело в глазах. Словно через толщу воды до неё донесся испуганный крик возничего:

— Выбирайтесь, госпожа!... Карета сейчас сорвётся с обрыва!... Я не смогу долго её удерживать!...

Сделав попытку встать, Алессандра со стоном упала обратно. Зажав голову руками она закричала от страшной боли...

Сознание её угасло не сразу. Ещё какое-то время она слышала вопли возничего, и даже успела увидеть в открывшейся двери его полный ужаса взгляд...

Затем карета пришла в движение, возничий прытко отско-

чил в сторону, а её саму накрыло спасительной темнотой...

Глава 9

— Мммм... — мучительный стон срывается с губ.

От звука собственного голоса испуганно вздрагиваю и отрываю глаза. Бессмысленным взглядом скольжу по идеально побеленному потолку...

Я что же осталась жива? Невероятно! Как вообще можно выжить, когда твою легковушку сминает под себя огромная фура? Но я же в сознании и чувствую боль, что тупыми тычками отдаёт во всём теле... А это значит одно - я выжила в той страшной аварии и сейчас нахожусь... в больнице?

Нееет...

Родные стены больницы, в которых я провела более десяти лет на должности главного акушер-гинеколога, я бы сразу узнала. По одному запаху определила!

Тогда где я?

Приподнимаюсь на локтях и начинаю озираться по сторонам.

"Что за..." — от увиденного взрывается мозг.

Комната, в которой я нахожусь, небольшая с бревенчатыми стенами и деревянным полом, застеленным домоткаными ковриками. Мебели здесь всего ничего: у стены стоит массивный шкаф, у окна круглый стол, покрытый ажурной салфеткой, возле него несколько стульев с потёртостями.

Вся мебель старинная, словно я перенеслась на много ве-

ков назад и оказалась в гостях у своей прапрапрабабушки...

Но разве такое возможно?

Ошалело падаю назад на подушку и пытаюсь понять: что я делаю на этой узкой кровати и как я вообще попала сюда?

Последнее, что помню — это как какой-то козёл перегоридил мне проезд, а затем в мою машину на всей скорости влетел большегруз. Я даже боли ощутить не успела! Только страх, паника, а затем удар и темнота...

Совершенно неожиданный, резкий вскрик какого-то мужчины заставляет меня едва ли не соскочить с постели. Сдерживает лишь то, что судя по ощущениям, под простыней я совершенно нагая.

— Да не ори ты! — с соседнего помещения доносится строгий окрик незнакомой мне женщины.

Неизвестность пугает, но узнать где я, и как попала сюда мне было жизненно необходимо.

Спускаю ноги с постели, сажусь и обматываю себя простыней. После медленно поднимаюсь, замираю на пару секунд, даю ногам привыкнуть к нагрузке, затем, морщась от боли, иду в том направлении, откуда слышатся голоса.

Останавливаюсь у дверного прохода и рывком отдёргиваю в сторону занавеску, что заменяет здесь дверь.

В тот же момент две пары колючих глаз пытливо впиваются мне в лицо.

Передо мной мужчина лет сорока и женщина престарело-

го возраста. Он, оголённый по пояс, сидит на стуле, смотрит враждебно так, бабулька же, стоит у него за спиной и недовольно хмурится при виде меня.

— Чего встала? — колко бросает, затем машет рукой и, не терпящим возражения тоном, командует: — Рано тебе ещё! А ну ступай обратно в постель!

Я же не могу глаз оторвать от её окровавленных пальцев, в которых зажата игла.

— Кому говорю, — продолжает бухтеть бабка. — Ступай обратно! Сейчас его доштопаю, — кивает на спину мужика, — а после к тебе приду.

Её слова звучат как-то не совсем обнадеживающе. Скорее устрашающе...

Пячусь назад и возвращаю занавеску на место.

— Кто она? — слышу заинтересованный голос мужчины.

— Не твоего ума дело! — рывкает бабка в ответ.

- Красииввая... — тянет мужик и замолкает.

Но уже через пару секунд до моих ушей доносится болезненный стон, и я понимаю: бабка продолжила "штопать"...

Значит у меня есть время...

Есть время на что? Что чёрт возьми здесь происходит?

То, что я не больнице, и даже не в городе я уже поняла. Тогда где?

Практически бегом устремляюсь к окну и выглядываю в него: взгляд утыкается на вальяжно вышагивающего петуха по двору. Он словно дразнит ту собаку, что сидит на цепи

около будки. Двор окружён высоким забором, поэтому что за ним мне видно. Но и того, что смогла увидеть достаточно, чтобы понять...

Батюшки!

Я что в деревне? Как? Когда? И зачем я здесь?

Ничего не понимаю!

Мысли в панике мечутся, тело начинает бить крупная дрожь, а ноги предательски подкашиваются.

Приходится схватиться за край стола, чтобы устоять на ногах.

Глубоко и часто дышу, стараюсь взять себя в руки.

"Без паники, Лариса! Без паники! — раз за разом повторяю себе. — Нужно просто собраться!"

Правильно! Для начала нужно привести себя в подобающий вид. Не дай бог придётся бежать с этого дома, а на мне одна простыня. Прохожусь взглядом по комнате – вещей моих нет.

Может там?

В несколько шагов подхожу к шкафу, распаиваю дверцы и изумлённо застываю при виде незнакомки, что смотрит на меня из отражения зеркала.

Совсем молодая девица с копной светлых выующихся волос смотрит на меня огромными, печальными глазами. Губы её удивлённо приоткрыты, брови изогнуты "домиком". Девушка сжимает простыню у себя на груди и бесцеремонно пялится на меня...

Постойте!

Поднимаю руку и пальцами касаюсь щеки - она повторяет за мной. Тяну губы в улыбке — и та тоже так делает!

Мамочка моя! Неужели эта девица — новая я?

Но как же...?

Я, реалистка до мозга костей, никогда не верила во всякие там переселения душ... Смеялась над подругами и утверждала, что иных миров не бывает!

Выходит, я ошибалась?

А в той злополучной аварии я умерла и моя душа переместилась в тело этой красотки?

И да, несмотря на бледность кожи, мешки под глазами, и огромный синяк, расплывающийся у неё по лицу, я с уверенностью могла сказать, что девушка, в тело которой попала моя душа, очень красива!

Надеюсь, красиво не только лицо, но и тело?

Распахиваю края простыни и с ужасом рассматриваю его. Моё тело напоминает один сплошной синяк. Становится ясно отчего всё так болит...

Это ж где её... Тьфу ты! Меня, так приложило?

Взгляд застывает на грубом, кривом шве, сделанном на бедре.

Мдааа... Можно бы и поаккуратней зашить. Теперь вот, уродливый шрам останется...

Перемещаюсь взглядом выше... Тихий, произвольный вскрик срывается с губ от вида дряблого живота с растяжка-

ми...

Не будь я врачом, возможно бы и не придала значения этому, но я сразу же понимаю: девушка совсем недавно рожала...

Но раз она это я... То значит...

О Боги!

Я стала мамой?

Глава 10

В прошлой жизни я и котёнка не могла позволить себе завести! Боялась, с голоду сдохнет.

Я и дома то практически не бывала. Дневала и ночевала в больнице. А когда умудрялась попасть домой, тут же раздавался звонок: "Лариса Николаевна, у нас срочные роды!", приходилось тут же ехать обратно.

С таким темпом работы я о детях и вовсе мечтать не смела.

Как умудрилась замуж выскочить практически под тридцатник? Сама не понимаю. Но и муж долго не задержался, не выдержал так сказать, не смог терпеть вечно пропадающую жену.

Ушёл со словами "Ты, Лариска, сдохнешь на этой своей работе!"

Впрочем, примерно так получилось.

В тот злополучный день я как раз ехала на работу...

"Ой, а кто же теперь у Зойки роды-то примет? — неожиданная мысль просто взорвала мой мозг. — У нас же контракт! А Мария Сергеевна как? Ой, а Ольга... Ольга Воронцова... Ей же рожать через несколько дней! — с губ сорвался мучительный стон. — Так, Лариса, не паникуй! — приказала себе. — В роддоме, помимо тебя, работает ещё несколько замечательных, а главное опытных акушеров. Вот, напри-

мер, Павел Васильевич – врач от бога! Он непременно примет роды у твоей подопечной и обязательно успокоит чрезмерно впечатлительную Марию! Ты лучше о себе подумай... Пойдите, а я – это кто?!"

Я попыталась вспомнить хоть что-то, но ни имени, ни своего происхождения я не помнила. Как и не знала того, где сейчас мой ребёнок! Я вообще ничего не помнила, словно кто-то основательно покопался в моей голове и подчистил там все воспоминания.

Я вновь прошлась глазами по своему отражению...

Интересно, кто её так? Вернее, меня. На девчонке же места живого нет!

— Чего уставилась? — раздалось резкое за спиной.

Вздрагнув от неожиданности, я запахла края простыни и обернулась.

В проходе стояла бабка, держа в руках какие-то тряпки. Подозрительно прищутив глаза, она прошлась по мне внимательным взглядом, затем подошла к кровати и кинула на неё свою ношу.

— На вот, оденься! — бросила она, развернулась и, шаркающими шагами, пошла прочь из комнаты. Но в проходе остановилась и, не оборачиваясь, добавила: — Как оденешься, выходи. Покормлю тебя.

Наскоро натянув на себя сорочку, а поверх её надев лёгкое свободное платье, я поспешила за ней.

Не терпелось расспросить бабку и узнать хоть чтонибудь

о себе. Но, к моему великому огорчению, старуха оказалась немногословной.

— Где я? — было первым, что я у неё спросила.

На что получила совсем не вежливое:

— Ешь, давай! Не трепись!

Я не готова была терпеть такого пренебрежительного к себе отношения.

— Спасибо, не голодна, — холодно произнесла, и, отложив ложку, хотела было уже встать из-за стола, но старуха, увидев это, уже мягче добавила:

— Как поешь, поговорим...

Кивнув, я за несколько минут управилась с чашкой супа и, отодвинув её от себя, вновь спросила:

— Кто я?

Старуха уселась напротив и смирла меня долгим задумчивым взглядом.

— Совсем ничего не помнишь?

Я мотнула головой.

— Это и не удивительно, — она пожала плечами. — С такими-то ранами на голове...

Рука машинально потянулась к волосам и ощупала голову. В районе виска, на затылке... да повсюду прощупывались едва затянувшиеся раны.

— Я же тебя практически с того света вытащила, — тем временем продолжала бабка. — В какой-то момент даже думала, что ты умерла... А нет, живучая оказалась, задышала.

— Но как я попала к вам?

— Так Арсений тебя приволок. Нашёл, говорит тебя на дне пропасти, а рядом карета разбитая.

— А ребёнок? — я с волнением подалась вперёд. — Младенец там был?

— Не было больше никого. Ты одна там была.

— Но моё тело... — я растерянно откинулась на спинку стула. — Мне, кажется, я совсем недавно родила. Где новорожденный?

— Этого я, девка, не знаю...

В этот момент со двора раздался залиvistый лай собаки. Старуха встрепелулась, и, суетливо подскочив со стула, подошла к окну.

— Неужто кому помощь нужна? — пробормотала она, вглядываясь в окно. — Приехал кто-то... — собака уже не просто лаяла, а рвала. — Мужчина... Карета богатая, сам одет ладно. Такие моими услугами брезгуют. Ты, девка, — она перевела взгляд на меня. — Ступай-ка в комнату. Да носа не смей показывать, пока этот не уйдёт.

И как бы мне не было любопытно увидеть, кого это там принесло, я не стала перечить. Встала, но не успела и шагу сделать, как дверь с грохотом распахнулась в комнату влетел разъярённый мужчина. Он впился в меня потемневшими от злобы глазами и с его перекошенных губ сорвалось:

— Алессандра! Живая...

Я даже сообразить не успела, как он уже был рядом со

мной. Схватив за горло, он со всей силы впечатал меня в стену.

— Ты, дрянь такая, что удумала? — прошипел он, обжигая мои губы своим дыханием. - Сбежать удумала? Забыла, как я обещал тебе шею сломать?

Округлив глаза от безотчетного ужаса, я смотрела на совершенно незнакомого мне безумца.

Кто он? Что ему нужно от меня? Как он смеет так со мной обращаться? Я что... жертва домашнего насилия?

Мне бы спросить, узнать, но в тот момент я не то что слова сказать не могла, я вдохнуть не в силах была!

Я понимала только одно, то если я сейчас продолжу бездействовать, то он либо шею мне свернёт, либо задушит. Собрав остатки сил, я со всей силы двинула ему между ног...

Мужчина зашипел от боли, и, о чудо, ослабил хватку. Рвано дыша, я старалась успеть надышаться, прежде чем он успеет прийти в себя. Даже попыталась извернуться и отбежать, но мощным рывком была прижата обратно.

— Ах ты...

Он сжал кулак и замахнулся, я же закрыла глаза, готовясь к удару. Но, неожиданно для себя, почувствовала, как этот урод разжал свои пальцы.

— Не смей трогать её! — раздалось совсем рядом. — Тронешь, убью!

Открыв глаза, я увидела, что позади моего мучителя, с вилами в руках, стоит бабка. Уперев зубья вил ему в спину,

она повторила:

— Тронешь, убью! А законникам скажу, что сам напоролся...

Глава 11

Его лицо удивлённо вытягивается.

Досада вперемешку со злостью и ненавистью отражается в его взгляде.

Его взгляд - приговор.

— Всё, всё, — он выставляет ладони перед собой и примирительно добавляет: — Я хочу просто поговорить.

Я же вижу пылающий, бунтарский огонь в его взгляде и понимаю: моя судьба решена, он просто отсрочил свой приговор.

Перевожу взгляд на бабу, мысленно взываю к ней, прошу не верить ему, но она игнорирует мой посыл и отступает. Благо вилы продолжает держать наготове.

— Говори, а потом уматывай отсюда! — машет вилами на дверь.

Мужчина бросает на меня последний уничтожающий взгляд, затем отходит к столу и по-хозяйски устраивается за ним.

— Я бы хотел переговорить со своей женой наедине, — произносит расслабленно, словно и не было ничего.

От его слов меня как током ударило, а по спине пробежал холодок. Неужели этот изверг мой муж?

Ошалело смотрю на него, он на меня. Губы его тянутся в ухмылке, и он добавляет:

— Разве ты боишься меня, Алессандра?

Боюсь ли я его? Очень! Я явственно понимаю: мой супруг — абьюзер и психопат! И таким нет места в обществе. Таких, как он, нужно сразу же закрывать, без разницы где — в тюрьме или психушке.

Но и показать, что мне страшно, нельзя.

С трудом переставляю дрожащие ноги, подхожу к столу и сажусь. Занимаю тот стул, что стоит дальше всех от него. Чтобы даже если и захотел ударить, не смог достать.

— Ну? — он сверлит мою спасительницу испепеляющим взглядом. — Уйдёшь ты наконец или нет?

Бросаю встревоженный взгляд на бабуку. Не хочу чтобы она уходила. С ней как-то спокойнее.

Но она, к моему огорчению, кивает, опускает вилы и уходит. Но не на улицу, как того хотел мой супруг, а в соседнюю комнату.

Благоверный раздражительно морщится, затем откидывается на спинку стула и проходится по мне насмешливым взглядом. Его глаза блуждают по синякам на лице, спускаются ниже — на шею. При виде свежих отчётливых отметин от своих пальцев, губы его довольно растягиваются.

"Точно псих", — думаю я, наблюдая за ним.

— Где Филипп? — неожиданно резко спрашивает, отчего я вздрагиваю и в недоумении смотрю на него.

— Филипп? — глупо повторяю за ним. — Кто это?

Мужчина с яростью сжимает кулак, замахивается над сто-

лом, но не ударяет. Его рука замирает в паре миллиметрах от столешницы, он косится в сторону занавески, за которой скрывается бабка, и с тяжёлым вздохом прячет руку под стол.

Рывком подаётся вперёд.

— Не играй со мной, Алессандра, — цедит сквозь сжатые зубы.

С напущенным безразличием отвечаю:

— Я не понимаю, о ком вы спрашиваете, сударь. Я вообще не понимаю, что вам от меня нужно? Кто вы?

— Сударь? — едва ли не задыхается от смеха.

С поражающим спокойствием жду, когда этот придурок вдоволь насмеётся и наконец объяснит что к чему.

— Ты решила под дурочку закосить? — продолжает он.
— Ах я понял! Ты отдалась конюху лишь бы он спрятал тебя от меня? Так где Филипп? Обещаю тебе, его смерть будет быстрой.

— Не смейте оскорблять меня! — Я всё же не выдерживаю и срываюсь на крик. — Я действительно ничего не помню! Я не помню ни себя! Ни вас! Какой-то мужчина принёс меня в этот дом, сказав, что нашёл меня на дне пропасти, рядом с разбитой каретой. Хозяйка этого дома выходила меня, но, видимо при падении я сильно ударилась головой, оттого потеряла память!

Замолкаю, жду хоть какой-то реакции, но мужчина молчит. Смотрит так, что под стол спрятаться хочется. Но вме-

сто этого я решительно добавляю:

— Но даже не помня себя, я не позволю вам так со мной обращаться. Муж вы мне или нет, вы должны с уважением ко мне относиться. Так что впредь думайте, что говорите!

Все эти слова я выговорила практически залпом. Не знаю, что сподвигло меня к такому бесстрашию: то ли собственная самоуверенность, то ли присутствие за стеной бабки с вилами.

Но даже после моих наглых речей благоверный молчит. Он продолжает сверлить меня взглядом, хмурится, его губы кривятся.

Комнату окутывает такая тишина, что в ушах звенит.

Он всё ещё смотрит, только теперь прямо в глаза, не выдерживаю и первой отвожу взгляд.

— А знаешь, я верю тебе, — неожиданно с холодным спокойствием отвечает. — Иначе ты бы не осмелилась так говорить со мной. Что ж, раз ты ничего не помнишь, мне придётся напомнить тебе...

На пару секунд замолкает и задумчиво барабанит пальцами по столу.

— Я Дэймон Гранд, а ты моя законная жена Алессандра Гранд. Но вскоре наш брак будет расторгнут. Я уже приказал подготовить все необходимые документы...

"Оказывается, прошлая хозяйка тела не была дурой! — с удовольствием отмечаю про себя. - Развестись с этим тираном - это единственный способ остаться в живых."

— ... Ты была полностью согласна со мной, - тем временем продолжает он. — Ведь наш брак без любви был изначально обречён на провал...

Согласно киваю. Он, видя это, с облегчением выдыхает.

— Я рад, что ты это понимаешь, — говорит, а я впервые вижу улыбку на его губах.

Он встаёт и идёт к выходу.

— Собирайся, — бросает через плечо. — Я буду ждать тебя в карете.

Что?

Изумлённо смотрю ему в спину.

Ехать куда-то с ним? Ни за что!

Возбуждённо подсакиваю и вскрикиваю:

— Я останусь здесь!

Останавливается и оборачивается.

— Что ты сказала? — вопросительно изгибает бровь.

— До развода я хочу пожить здесь, — тихо произношу.
— Разве это что-то меняет?

— Нет, — пожимает плечами. — Мне уже всё равно... Как только будут готовы бумаги, я пришлю их тебе.

Киваю.

Он хочет уже уйти, но я останавливаю его.

— Постой! Я... — мямлю, не зная, как спросить у него. Но если не спрошу, буду всю оставшуюся жизнь корить себя за это. — Где мой ребёнок? — больше не юлю, спрашиваю в лоб.

Благоверный склоняет голову в сторону, прищуривается, смотрит словно на жертву, которую ждёт страшная участь. Делает шаг ко мне. Второй. Третий.

Пячусь...

— Моё тело, — начинаю оправдываться. — Я заметила, что моя грудь... живот... Всё указывает на то, что я совсем недавно родила.

Слава богам, он останавливается.

— Ты и это не помнишь?

— Нет...

— Алессандра, — издевательски смеётся и качает головой. — Разве можно забыть такое?

— О чём ты?

— Сразу же после родов ты отказалась от сына... — говорит, словно бьёт. Больно. Наотмаш! — Ты продала его мне. Променяла на несколько тысяч диар... и поместье...

Глава 12

От его слов внутри меня словно что-то обрывается.

Он продолжает язвительно говорить, но я уже не слышу его...

"Ты отказалась от сына... Ты продала его..." — набатом стучит в голове.

За время своей работы я успела вдоволь насмотреться на таких вот мамаш — отказниц. Осуждала ли я их? Более чем. Первое время даже упрашивала, делала попытки образумить, пыталась уговорить их не отказываться от новорожденных, но, видя тщетность своих усилий, со временем смирилась, а после и вовсе, наверное, привыкла.

Но чтобы я сама решилась на такое... Никогда!

И даже то, что моей души ещё не было в этом теле, когда всё это случилось, не служило мне оправданием.

"А ведь отныне я в теле этой непутёвой мамыши, а значит и отвечать за все её прегрешения придётся мне." — с горечью осознаю.

И всё же, я была практически уверена, что должно быть что-то, что подтолкнуло женщину к такому безрассудному шагу! Не единая мать вот так просто, из-за единственного, эгоистичного "не хочу", не откажется от собственного ребёнка. Причина... она должна быть!

Возможно, я чего-то не знаю, а супруг не спешит мне об

этом поведать?

Поднимаю глаза, но на том месте, где ещё минуту назад стоял мой благоверный, нет никого.

Значит, пока я тут занималась самобичеванием, он... ушёл?

Но почему? Я видела с каким удовольствием он рассказывает мне о моём безумном поступке. Наслаждается позором нерадивой мамы. Смакует каждое произнесенное слово...

Тогда почему он так спешно ушёл? Можно даже сказать сбежал.

В этот момент раздаются шаги за спиной.

— Вы всё слышали? — скорее утверждаю, чем спрашиваю.

— А как же, — отвечает старуха и прячет вилы за печь. — Мой дом не хоромы. Всё слышно.

Какое-то время молчим.

Лекарша с показным безразличием перебирает сушеные травы, я пытаюсь понять, что сподвигло Алессандру, то есть меня, оставить ребёнка.

— Я животное... — глухо срывается с губ. — Нет. Я хуже. Даже звери не бросают детей...

— Ты, девка, не кори себя так. — буднично произносит бабка. — Неизвестно, что заставило тебя так поступить со своим малышом. — Она подходит и садится рядом. — А причины они ведь разные могут быть.

— Думаете моему поступку есть оправдание? — с надеж-

дой смотрю на неё.

— Это одному богу известно, — пожимает плечами, затем сухо добавляет: — Но и осуждать, не зная подробностей, я тебя не могу.

— Спасибо, вам, — с благодарностью прикасаюсь к её руке, но бабка, неожиданно резко отстраняется, словно ей неприятны мои прикосновения, встаёт и отходит к окну.

Не понимаю её.

— Вы, наверное, недовольны тем, что я отказалась поехать с ним? — делаю предположение. — Без вашего позволения решила остаться здесь. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь. Я на долго у вас не задержусь. Как только стану свободной, сразу уйду...

— Чего там, — машет рукой. — Живи сколько вздумается. Места всем хватит...

— Спасибо, — вновь благодарю, но она словно не слышит, хмурится, и что-то высматривает через окно.

— Ступай в комнату, — бросает резко. — Да отдыхай. Сил тебе надобно набираться. Вижу непростая дорога ждёт тебя впереди... Ох, непростая...

Глава 13

Не понимаю, о какой дороге она говорит, но спросить не решаюсь. Вижу, что старуха не горит желанием продолжать разговор, а надоедать мне не хочется. И когда она устало опускается на стоящий рядом сундук и закрывает глаза, встаю и ухожу. В комнате ложусь на кровать и, несмотря на безобразную сумятицу, что творится в душе, практически мгновенно засыпаю...

Просыпаюсь от женского крика: истошного и истерического.

Рывком подскакиваю и ошалело оглядываюсь по сторонам.

За окном уже вечер, оттого в комнате стоит полумрак и я едва различаю очертания мебели.

Спросонья не сразу соображаю, где я, пячусь и испуганно прижимаюсь к стене.

— Да не ори ты! — слышу знакомый голос старухи и выдыхаю. — Всю округу сейчас пребудешь!

— Умирающую...! — продолжает орать женщина.

— Потерпи, Ласенька! — заискивающе вскрикивает какой-то мужик. — Сейчас Арха поможет тебе....

В этот момент память услужливо подкидывает мне события дня и я всё вспоминаю.

Успокаиваюсь и медленно подхожу к занавеске. Осторож-

но, чтобы не привлекать внимания, немного отодвигаю её и выглядываю из-за своего укрытия.

В гостинной нет никого.

Выхожу из своего укрытия и в то же время, откуда-то со стороны раздаётся очередной душераздирающий крик.

— Не могууу больше! — воет она, подтверждая свои слова жалобным всхлипом.

— Не ори, — бухтит бабка. — Не трать силы!

Женщина в ответ лишь мычит и продолжает надрывно стонать.

Устремляюсь туда, откуда доносятся стоны, юркаю за занавеску и в нерешительности застываю возле стены.

Посреди комнаты, прямо на большом деревянном столе лежит женщина с искаженным от боли лицом. Лекарша стоит подле неё и быстрыми уверенными движениями ощупывает её огромный живот.

— Когда схватки начались? — бабка хмурится и бросает взгляд на мужичонку, что мечется чуть в стороне.

— Так это... вчера ещё, — заискивающе отвечает он и отводит взгляд в сторону.

— Воды? отошли или нет?

— Так это... не знаю... — практически пищит и испуганно вжимает голову в плечи.

— Вот ироды, — бабка качает головой, — о себе не думаете, так о дитёнке бы хоть подумали! — Она оставляет в покое живот и, задрав платье роженице, начинает осмотр у

неё между ног.

— Почему в город не поехали?

— Я... Мы... — мычит мужик и виновато опускает взгляд в пол. — Вы же знаете, Арха...

— Знаю-знаю, — лекарша отходит от роженицы и смеривает мужика убийственным взглядом. — Денег пожалел? Думал Арха за бесплатно поможет? А Арха то не всесильна... Боюсь помрёт она...

Мужик хватается за голову, падает на колени и начинает выть от бессилия.

Меня же так и подрывает помочь. Жадным взглядом прохожусь по роженице и уже было делаю шаг в её сторону, но... даю себе мысленный подзатыльник и останавливаюсь.

Кто я для них? Непутёвая девка, что продала своего ребёнка? Изнеженная благородная дама?

Как я объясню лекарше свои познания в акушерстве? Сказать правду? Заявить про переселение душ? Нельзя. Не могу. Ведь я не знаю, какими будут последствия.

Но и просто стоять и смотреть, не могу.

— Я могу помочь? — спрашиваю дрожащим от волнения голосом.

Лекарша смеривает меня внимательным взглядом, вздыхает и бросает сочувственный взгляд на роженицу, которая уже не кричит, а лишь глухо постанывает.

— Боюсь, девка, здесь мы бессильны, — отвечает она.

Радует, что бабка, увидев меня, не раскричалась, не про-

гнала, а значит есть ещё шанс.

— Почему? — стремительно приближаюсь.

— Ребёнок лежит поперёк. — глухо отвечает Арха. — Сама она не родит. Резать надо. А я таким не занимаюсь... Им бы в город, в больницу. Но не успеют. Не довезут...

Ребёнок лежит поперёк...

В прошлой жизни я бы не задумываясь провела кесарево, но здесь... Что я могу сделать здесь?

— Я могу осмотреть её?

— Шла бы ты лучше отсюда, — хмыкает лекарша. — Что толку то от тебя? Я ж говорю резать надо... Так бы хоть ребёнка спасли...

Глава 14

Потрясённо смотрю на вполне себе спокойную лекаршу, пытаюсь осмыслить её слова.

Получается, мы должны просто стоять и смотреть, как эти двое умрут?

Ну уж нет! По крайней мере я должна попытаться спасти их, иначе век корить себя буду.

Но для начала, решаю взять с бабки клятву.

— Арха, послушайте и пообещайте мне, что всё что вы сейчас здесь увидите, останется между нами!

Старуха непонимающе хмурится и, прищутив подозрительно глаза, язвительно спрашивает:

— Ты чего это удумала, девка? Неужто Господом-Богом себя возомнила? Говорю тебе, не спасти их. Я этих горе мамаш знаешь сколько за свою жизнь повидала? Тянут до последнего, в город не едут — пары монет жалеют... Вот и дотянула! Дотянула до того, что смерть уже за плечами стоит. — Арха успокаивающе хлопает меня по руке. — Ты близко к сердцу-то не бери, нет в этом нашей вины...

В этот момент с губ роженицы срывается очередной обесиленный крик, и я не выдерживаю:

— Замолчите! — зло кричу. — Просто поймите! Я могу помочь ей! Могу спасти невинную жизнь! А вы... Вы либо поможете мне, либо убирайтесь прочь!

Несколько секунд глаза лекари оценивающе блуждают по моему лицу, затем она усмехается и отходит к столу.

— Вон оно значит как, — задумчиво тянет она, перебирая пухлятые бутылки с собственноручно приготовленными лекарствами. — Я её значит выходила, можно сказать с того света вернула! А она... она из дома меня гнать собралась!

— Арха, — умоляюще взываю к ней, — пожалуйста! Мы теряем время!

Лекарише требуется пара минут — бесценных в этом случае минут, чтобы принять решение.

К моему облегчению она кивает и, сокрушённо вздохнув, произносит:

— Бог с тобой! Действуй! Хуже уже всё равно не будет.

— Пообещайте мне, — напоминаю ей, а сама глазами уже обследую комнату и делаю засечки у себя в голове, где что лежит.

— Да не трепло я! — возмущённо фыркает бабка. — Что происходит в моём доме, здесь и останется.

Воспринимаю её слова как обещание и бросаюсь к столу.

— Мне нужна будет ваша помощь, — хватаю одну из чистых пелёнок и, с особой скупуплезностью повязываю её себе на голову, так, чтобы ни единый волосок не торчал.

— Ну командуй...

— Для начала выведите его отсюда, — указываю на мужика, что продолжает завывать и едва ли бьётся головою об пол. — Затем нужно заменить грязную простынь на чистую,

- тычу пальцем в загаженную окровавленную простынь под женщиной. — И руки... Мне нужно чем-то обработать руки! Антисептик? Спирт? Самогон? Есть что из этого?

— А как же, в деревне, да без спирта?

— Тащите! — подхожу к тазу с водой, нахожу кусок мыла и тщательно, по самые локти, мою руки.

Когда заканчиваю, в комнате уже нет ни мужика, ни самой лекарши.

Так-то лучше.

Нахожу на столе деревянную трубочку — стетоскоп, затем приближаюсь к роженице. Для начала пытаюсь прослушать сердцебиение плода... И слава богам, где-то с пятой попытки, в районе пупка, мне удаётся услышать стук крохотного сердечка! Жив родненький!

Облегчённо выдыхаю и начинаю пальпировать живот женщины. К моему огорчению Арха права, исходя из поперечно-овального живота матери и шарообразной матки — ребёнок лежит поперёк, а это значит одно: не окажи я сейчас ей квалифицированную помощь, и малыш и мама погибнут.

Женщина вновь выгибается и страшно, до мурашек, кричит. После, рывком подаётся вперёд, хватая меня за руку и охрипше сипит:

— Режьте... Спасите его! Меня не жалейте, спасите моего малыша! — так же неожиданно, пальцы её разжимаются и она обессиленно падает назад.

— Тише-тише, милая, — ободряюще глажу её по руке. —

Никто не собирается тебя резать. Я помогу тебе. Ни ты, ни твой ребёнок не умрёте... Обещаю тебе...

Проходит ещё пара минут, а лекарши всё нет.

— Арха? — нетерпеливо зову. — Ну где ты там?

Бабка, словно по зову, тут же появляется в проходе. В её руках большой бутыл с какой-то мутной жидкостью.

— Вот, спирту принесла! — сообщает она и ставит бутыл на стол.

— Спирт — это хорошо, — начинаю обрабатывать руки.

— Арха, нужно чем-то обезболить роженицу, иначе она не даст мне спокойно работать. Есть что?

— Так опиум поможет, — отвечает она и протягивает мне небольшой бутылёк. — Я сама из семян мака делаю! Совсем чуть-чуть нужно дать. Он и боль снимет, и роженицу успокоит.

Местная анестезия шокирует, но выбора нет.

— Только не переборщи, — с сомнением произношу. — Эта гадость не полезна ни ей самой, ни ребёнку!

— Что ж я дура какая? — бухтит бабка и отмеривает в ложечку несколько капель, затем вливает содержимое ложки в полураскрытые губы роженицы.

Проходит всего пару минут и женщина успокаивается. Она наконец перестаёт метаться, замолкает, а дыхание её становится ровным.

Ну что ж... Пора начинать.

Мысленно перекрестившись, сгибаюсь меж разведённых

ног роженицы и начинаю осмотр.

Отмечаю для себя, что раскрытие полное, но благо ни пу-
повина, ни конечности плода не выпали.

Ох, сейчас бы УЗИ! Но, за неимением, приходится оце-
нивать ситуацию, как говорится, на ощупь. Мне требуется
не так много времени, чтобы составить анамнез. К счастью,
воды полностью не отошли, и нам удалось избежать самого
страшного — запущенного поперечного положения плода. В
этом случае я бы уже не смогла ей помочь, а самой роженице
грозил бы разрыв матки и смерть вследствие кровотечения.

Сейчас же есть шанс... Шанс перевернуть малыша.

Ну с Богом!

Не знаю, на что я надеялась в тот момент — на везение
или на свой профессионализм, но то что я делала в тот мо-
мент было полнейшим сумасшествием с моей стороны. Вве-
дя одну руку в полость матки, начинаю искать ножку, второй
же рукой помогаю себе снаружи. Когда удаётся нащупать и
захватить конечность, кладу вторую руку на головку плода
и начинаю медленно смещать её кверху. Осторожно пово-
рачиваю малыша, и когда из промежности роженицы изли-
ваются остатки вод и появляется ножка, я выдыхаю. Самое
сложное позади. Сейчас малыш в ножном предлежании. Это
лучше, чем в поперечном, но всё ещё так же опасно.

— Арха, принеси горячей воды и подготовь всё для ребён-
ка, — бросаю лекарше, что стоит всё это время стоит у меня
за спиной и с изумлением наблюдает за моими действиями.

Слышу, как старуха спешно уходит, сама же продолжая извлекать малыша.

После того, как ребёнок занял продольное положение, процесс пошёл намного быстрее. Сначала родилось тельце и, о чудо, нам даже удалось избежать очередного осложнения — запрокидывания ручек плода. Оставалось самое сложное — это рождение плечевого пояса и головки.

Благо начались потуги и тело роженицы само начало помогать мне, изгоняя из себя плод.

Наконец, с очередной потугой, вышли сначала плечики плода, затем родилась голова. И вот я уже держу на руках крохотное тельце новорожденного. Мальчик. Совсем слабенький, но живой.

— Арха!?! — зову и едва сдерживаю бранные слова, что готовы сорваться с губ. — Скорее сюда!

Краем глаза замечаю, как в комнату вбегает старуха.

— Возьми ребёнка! — передаю ей малыша. — Осмотри его! Оботри и обработай пуповину!

Меня же колотит от переизбытка эмоций! Но я понимаю — это ещё не всё! Нужно взять себя в руки и помочь его матери. Для начала нужно избавиться от плаценты, затем осмотреть роженицу на наличие разрывов. И если с местом ребёнка проблем не возникло, то над разрывами пришлось попотеть. Хорошо, что сознание женщины всё ещё находилось под действием опиума. Она никак не реагировала на боль, и не сопротивлялась, когда я с помощью иглы и нити

зашивала её разрывы...

Когда всё было закончено, я едва разогнулась и покачнулась от усталости.

Перед глазами поплыло...

— Иди, Алессандра, отдыхай, — раздалось за спиной. — Дальше я сама справлюсь.

Стянув импровизированную косынку с головы, я взглянула на новорожденного — малыш спал. Как и его мать.

— Сразу же позовите меня, если у неё начнется горячка, — киваю на спящую женщину. — И ребёнка нужно как можно скорее приложить к груди...

— Иди уже, — Арха настойчиво подтолкнула меня к выходу, — на ногах еле стоишь. А я позову... Обязательно позову, ежели потребуется. И это... — Лекарша замялась, но после добавила: — Спасибо тебе, Алессандра. Ты удивительная... Видимо сам бог послал мне тебя.... Теперича и помирать не страшно... Есть на кого дело оставить...

Глава 15

— Вот так не больно? — бросаю взгляд на чумазого мальчишку лет восьми.

Тот отважно выпячивает тощую грудь и с вызовом отвечает:

— Совсем не больно! У меня и пострашнее раны бывали! Вот недавно, батка пьяный пришёл да мамку начал гонять, а я вступился. Так он так меня приложил! — задирает грязно-серую рубаху и с гордостью показывает огромный желтовато-коричневый синяк у себя на боку. — Век помнить буду! А это что!? Так, царапина!

Бросаю взгляд на внушительный порез на его ладони и сокрушенно вздыхаю.

Прошла практически неделя с того самого дня, как я помогла новой жизни появиться на свет. К моему огромнейшему облегчению и мама и новорожденный чувствовали себя хорошо. Не смотря на протесты роженицы, я ещё несколько дней наблюдала за их состоянием, затем они благополучно покинули нас, заверив, что впредь будут благоразумны и станут заранее обращаться в городскую больницу. А то, что эта женщина подарит своему мужу как минимум ещё несколько карапузов, я не сомневалась.

Арха прознав про мои способности к лекарству была чуть ли не на седьмом небе от счастья. Старуха всё время тверди-

ла о моём чудном даре и едва ли не умоляла, чтобы я стала её преемницей. Видите ли устала она, хочет уйти на покой, а дело своё ей оставить не кому.

Нет, старуха не была одинокой. Как оказалось, у Архи есть совсем взрослая внучка, примерно моего возраста. И живёт она не где-нибудь, а в самом городе. Беда в том, что девушка наотрез отказывалась принимать опыт бабки и учиться лекарскому мастерству. И если ранее она хотя бы навещала её, то вскоре и вовсе пропала. Где сейчас она Арха не знала. Да и говорить особо о ней не хотела.

Так и получилось, что старуха, при живой-то родне, осталась совсем одна.

А здесь я подвернулась...

Первое время меня - человека привыкшего к современной цивилизации, коробило то, что вместо антисептиков приходится использовать спирт, за неимением бинтов рвать простыни да чистые тряпки на лоскуты, взамен таблеток, микстур и уколов — настои из трав. Но, как говорится, человек ко всему привыкает и я верила, что вскоре привыкну и я.

Вольюсь, так сказать, в этот мир и стану его частичкой...

Вот и влилась. Как-то незаметно втянулась и стала заменять Арху, когда в дом приходили больные.

Сегодня вот этот мальчишка с самого утра прибежал.

— Ну вот и всё, — стянув концы лоскута, затягиваю узелок на его ладони и перемещаю взгляд ему на лицо. — Завтра приди. Порез тебе обработаю и повязку чистую наложу.

Мальчишка кивает, прыгивает с высокой скамьи и идёт к выходу, но возле дверей останавливается и, обернувшись, с любопытством спрашивает:

— А правда, что ты Фаньке, когда ребёнка доставала, живот вспорола, да обратно невидимыми нитями стянула?

— Это кто так говорит? — изумлённо вскидываю брови.

— Да так... по селу поговаривают, — стыдливо опускает взгляд в пол. — Говорят ведьма у Архи поселилась...

— Бредни всё это! — прикрикиваю на него. — Разве я похожа на ведьму?

Мальчишка вскидывает голову, проходится по мне внимательным взглядом и выдаёт:

— Не-а! Ты — не ведьма, ты красивая... Я когда вырасту, в жёны тебя возьму!

— Штаны подтяни, жених! — машу на него полотенцем и сквозь смех, добавляю: — И всем скажи, что никакой ведьмы здесь нет!

Он обиженно шмыгает носом, затем кивает и шмыгает за дверь.

Я же продолжаю стоять и задумчиво смотреть на то место, где ещё пару секунд назад стоял мальчуган.

"Говорят ведьма у Архи поселилась..."

Именно по этой причине, я тянула с ответом и не соглашалась на уговоры лекарши. Ведь согласись я занять её место, возникнет много вопросов.

Что я отвечу, когда мне зададут главный вопрос — где я,

благородная лъера, всему этому научилась?

А ещё хуже — слухи...

Впрочем, как оказалось, слухи уже поползли.

Я понимала, что всё это чревато последствиями.

И если я останусь здесь, в этой деревне вместо Архи, то меня если и не сожгут, то повесят уж точно...

Глава 16

— Ну, и чего пригорюнилась?

Раздаётся резкое за спиной и, я испуганно вздрагиваю. Оборачиваюсь и вижу перед собой лекаршу. Поджав губы и нахмутив и так уже сморщенный лоб, она упирает руки в бока и кивает на дверь.

— Не уж то слухов испугалась?

Стыдно признаться ведь мне действительно страшно, но признавать этого не хочу.

Неопределённо пожимаю плечами, возвращаюсь к скамье и, стараясь не смотреть на Арху, начинаю убирать с деревянной лавки бутылки и запачканные кровью тряпки.

- Ты близко к сердцу-то не бери, - она фыркает, выражая презрение. - Злые языки и не того ещё наболтают. Ишь чего выдумали! — с её губ срывается смешок. — Ведьму нашли! Да чтоб у них у всех языки поотсыхали! Изуверги проклятые! А ты не думай плохого! Ничего страшного не случится, поговорят да успокоятся. Давай лучше обедать. Я там картошечки в печи натушила, а Арсений молока ещё тёплого от мамки своей приволок. Ступай, мой руки!

Киваю, собираю со скамьи остатки ткани и, прибрав её в рядом стоящий сундук, начинаю мыть руки. Затем прохожу на кухню и усаживаюсь за стол. Какое-то время наблюдаю за накрывающей на стол бабкой, после зову её:

— Арха?

— Ну? — старуха вскидывает голову и застывает напро-
тив.

Не выдерживаю её пытливого взгляда и опускаю глаза себе на руки, лежащие на коленях. Уверенна, лекарше совсем не понравится то, что я собираюсь ей сообщить, но как по мне другого выхода нет.

— Я хочу уехать.

— Вот значит как... — Арха тяжело вздыхает и опускается на табурет. — Не передумаешь?

Качаю головой.

— Так будет лучше для всех, — поднимаю голову и горько усмехаюсь. — Не моё это место. Да и слухи... Боюсь беды не избежать. Не хочу, чтобы вы пострадали из-за меня.

— И куда? — коротко, без всякого энтузиазма спрашивает она.

Моё решение покинуть эту деревню не было спонтанной идеей, наоборот я долго думала и решила:

— Помните, вы рассказывали мне о гильдии докторов? — дожидаюсь кивка бабки, после продолжаю: — Так вот, я намерена поехать в город и вступить в эту гильдию. Ведь только обучившись в их учреждении, я смогу получить официальное разрешение на занятие лекарским делом. Будь у меня на руках эта бумага, я смогу не только заниматься любимым делом, но и, возможно, в ближайшем будущем я смогу открыть свою небольшую лечебницу.

— Ишь куда замахнулась! — бабка насмешливо закатывает глаза. — И чего вас всех в город-то тянет? Ты хоть знаешь, что в гильдию не так-то просто вступить? Для начала тебе нужно будет доказать своё мастерство, после внести энную сумму на их счёт, а уж после они решат брать тебя под своё крыло или нет.

— Я думаю своё мастерство я вам уже доказала. Уверена с этим проблем не возникнет. А вот деньги... Да. Сейчас у меня их нет. Но если я правильно поняла того мужчину, что назвался моим супругом, после развода он станет переводить на мой счёт несколько тысяч диар. Надеюсь, этого хватит?

— Хммм... — Арха окидывает меня заинтересованным взглядом. — Значит решила гордость свою растоптать? На горло себе наступить?

— Вы можете осуждать меня, — согласно киваю. — Но не в моём положении отказываться от этих денег...

Делаю вид, что меня нисколько не задевают её слова, но, на самом деле, я понимаю, что Арха права. По идее я должна была ненавидеть "своего-чужого" пока ещё мужа. Но беда в том, что мне было совершенно всё равно на него. Я его просто не знала! А от этого и не испытывала к нему ненависти, ни злости, ни обиды. Да, он скотина, абьюзер, да и вообще мерзкий тип, но почему я должна отказываться от того, что мне предлагают? К тому же, сейчас я нахожусь в бедственном положении - я в чужом мире, без памяти, без средств к существованию, без жилья... Вообще без всего! Тогда с ка-

кой стати я должна брезговать его деньгами?

— ...Поместье — да, — между тем продолжаю. — Я не стану в нём жить. Но вот от денег не откажусь. Пусть платит. Эти деньги пойдут на благо и, возможно, спасут чью-то жизнь.

— Правильно мыслишь, — нехотя кивает она, затем прищуривается и усмехается. — А вот о главном не думаешь... Не боишься, что придётся расплачиваться? Али думаешь, что он никогда не спросит этих денег с тебя?

— Думаете он опустится до такой низости, что заставит вернуть их?

— Ох, девонька! — Арха качает головой и по-доброму улыбается. — До чего же наивна ты. Такие богатеи, как он, никогда и никому ничего не прощают. И уж тем более не дают ничего задарма...

"А ведь Арха права. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке» — не без огорчения думаю я.

— Ну ладно, не раскисай! — лекарша встаёт и отходит к печи, но уже через пару секунд возвращается, держа в руках небольшой чугунок.

Она ставит его в центре стола, полотенцем снимает крышку и начинает раскладывать еду по тарелкам.

Честно признаться, аппетита у меня совсем нет, но чтобы не обидеть старуху, я продолжаю сидеть за столом. Правда к еде не притрагиваюсь, что не укрывается от внимания Архи.

— Ты ешь-ешь давай, сил набирайся. А о деньгах не ду-

май. Помогу я тебе. Есть у меня кое-какие сбережения, — бабка встаёт и уходит в спальню, но вскоре возвращается и кладёт передо мной небольшой тряпичный мешочек. — Думаю этих денег хватит...

Мне требуется несколько минут, чтобы осмыслить происходящее и принять решение:

— Я не могу взять эти деньги, — отодвигаю от себя мешочек.

— Значит от мужа-упыря ты можешь взять, а от меня нет? — бабка рассерженно сопит и вновь подвигает ко мне пузатый мешочек.

— Бери, говорю!

— От вас — не могу... И не потому что хочу вас обидеть! Я просто не имею права забирать у вас то, что вы копили всю свою жизнь!

— Не глупи, Алессандра! Мне эти монеты всё равно ни к чему! А тебе помогут обустроиться в жизни! За учёбу заплатишь... отучишься! Получишь заветную грамоту да глядишь и вернёшься ко мне! Мне-то много ли надо? При моей-то востребованности с голоду точно не сдохну! А не возьмёшь, я обижусь. Забуду, что знала тебя!

Смотрю на бабку и понимаю: не отступится ведь...

— Будь по вашему, — забираю мешочек со стола и опускаю себе на колени. — Но я верну. Обещаю, как только я встану на ноги, верну вам, Арха, всё до монеточки!

— Пффф..., — Арха кривится и машет рукой на меня. —

Вернёт она... Больно надо! Ты лучше сама вернись до дело моё продолжи!

— Я...

Хочу заверить бабу, что непременно навещу её после обучения, но не успеваю. Со двора раздаётся рычание, затем грозный лай пса.

— Кого это там черти принесли? — Арха стремительно подходит к окну. — А ну ступай в комнату! — неожиданно кричит.

— Что-то случилось? — поднимаюсь и делаю шаг к ней, но старуха смеривает меня таким взглядом, что становится не по себе и я пячусь обратно.

— Пока нет, но боюсь случится! — между тем ворчит бабка. — Благоверный твой пожаловал! Карета его возле дома стоит! А вот с добром ли пожаловал? Этого я не ведаю...

Глава 17

От её слов дыхание перехватывает, по коже пробегает озноб.

В голове отчётливо всплывает воспоминание, как Дэймон Гранд сжимает пальцы на моей шее. Сдавливает так, что я задыхаюсь.

Поддавшись внезапному страху, ступаю в сторону занавески, но, неожиданно бабка останавливает меня.

— Постой, — озадаченно произносит она. — Не тот это... Другой приехал... А твоего не видать...

Через несколько секунд в сенях что-то с грохотом падает, затем раздаётся едва слышный, вежливый стук в дверь, и я убеждаюсь в словах Архи: Дэймон точно не стал бы стучаться, а скорее вышиб бы эту дверь.

— Хозяюшка?! — голос, по ту сторону двери, так же не принадлежит моему супругу.

Выдыхаю и возвращаюсь к столу. В этот момент замечаю, что всё ещё сжимаю мешочек с деньгами у себя в кулаке. Понимаю, что лучше бы спрятать, но не успеваю и шагу ступить, как дверь открывается и в кухню входит какой-то мужик. Высокий, жилистый и очень нервный. Он прижимает к груди кожаный саквояж и испуганно оглядывается по сторонам.

Арха выступает вперёд и, уперев руки в бока, совсем не

дружелюбно спрашивает у него:

— Ты кто? И чего забыл здесь?

Незнакомец судорожно вздыхает, ещё крепче прижимает к себе саквояж и дрожащим голосом отвечает:

— Я Хертис Майдбрук, адвокатус его святейшества льера Дэймона Гранда, — он перемещает свои выпуклые глаза на меня и добавляет: - Я прибыл к вам, льера Алессандра, — мужчина склоняет голову в лёгком полупоклоне.

— Ко мне? — делаю шаг и встаю рядом с Архой.

— Именно к вам, — адвокатус наконец разжимает руки и ставит саквояж возле ног, затем вынимает из кармана брюк белоснежный платок и вытирает им взмокший лоб.

— Хммм... — озадаченно хмурюсь. — Позвольте узнать цель вашего визита?

— Разрешите? — он указывает на стол, я бросаю взгляд на Арху, та кивает и, пожав плечами, начинает спешно убирать еду со стола.

Когда на столе не остаётся ничего, кроме кувшина и пары стаканов, я приглашающим жестом указываю адвокатусу на табурет.

— Прошу вас, проходите, присаживайтесь.

Мужчина тут же подхватывает сумку и в два шага подходит к столу. Он усаживается на табурет, а свою драгоценную ношу располагает прямо перед собой.

— Господин Гранд послал меня к вам с поручением, — заявляет он, расстегивает замок на саквояже и вынимает из

него папку бумаг. После слюнявит пальцы и начинает пере-
листывать их. — Это... И это...

Мужчина откладывает в сторону несколько листов,
остальные же прячет обратно.

— Господин убедительно просил подписать вас, льера
Алессандра, эти документы, — адвокатус моего супруга бе-
рёт листы со стола и протягивает их мне. — Это бумаги на
развод, — объясняет он, замечая мою растерянность.

Радует то, что потеря памяти никак не сказалась на моём
умственном состоянии. Читать я умею, а значит могу изу-
чить то, что предлагает мне Дэймон.

Беру документы и без каких-либо проблем вникаю в суть
написанного.

В первом, нет ничего особенного. В нём говорится: что со
дня подписи обеих сторон, наш брак становится официально
расторгнутым. Что ж... Я совсем не против этого.

Без раздумий подписываю документ о разводе.

Замечаю, как адвокатус довольно щурится, кивает и по-
спешно прячет бумагу в портфель.

Читаю второй...

*"... Находясь в здравом уме, твёрдой памяти и ясном со-
знании Алессандра Гранд ДОБРОВОЛЬНО передаёт все пра-
ва на Кристиана Гранда своему бывшему мужу Дэймону
Гранду... Взамен она получает поместье в Хилтоне и месяч-
ное содержание в тысячу диар, назначенную сумму она ста-
нет получать до конца своих дней..."*

— Это что? — трясущим листом перед носом побледневшего адвокатуса. — Кто такой Кристиан Гранд?

— Ваш сын... — выдыхает он и ещё больше бледнеет.

— Я не стану это подписывать! — сминаю лист и бросаю его на стол. — А Дэймону передайте... Хммм... Скажите ему, что я передумала! Я никогда и ни за какие деньги не продам ему сына!

— Льера Алессандра, — сипит адвокатус. — Вы не понимаете... Ему нельзя отказывать! Вы должны подписать...!

— Вы заставите меня? — смериваю мужчину гневным взглядом.

— Н-н-н-нет... — заикаясь, отвечает он.

— Ну вот и славно, — тянусь, беру скомканный лист бумаги и практически силком впихиваю его в пальцы мужчины. — Заберите это! И никогда больше не смейте заявляться ко мне с таким предложением!

— Но... Господин будет в ярости, когда узнает, что...

— Замолчите! — перебиваю его. — Мне всё равно, что будет, когда ВАШ господин узнает!

Говорю холодно, можно сказать даже уверенно, а у самой сердце готово выскочить из груди. Страшно представить, что Дэймон сделает со мной, когда адвокатус сообщит ему о моём решении отказаться.

Похоже мне придётся покинуть дом Архи не через несколько дней, как я планировала, а уже завтра, возможно, даже сегодня. Ведь единственный способ избежать встречи

с разгневанным мужем — это сбежать.

Но как только я смогу с уверенностью смотреть в завтрашний день... Я непременно вернусь.

Вернусь и заберу своего сына...

— Льера Алессандра? — слышу вопрошающий голос мужчины и возвращаюсь в реальность.

— У вас остались вопросы?

— Нет, — икает он и отводит взгляд, но уже через пару секунд едва слышно бормочет. — То есть да...

— Ну так говорите! — отхожу и занимаю табурет напротив него.

— Я... Мммм... Вообще вот...

Мужчина несколько минут роется в саквояже, затем что-то достаёт из него и кладёт на стол.

Это что-то оказывается браслетом. Он мрачный, можно даже сказать, пугающий. Чёрный, с позолотой, а в центре его — глаз. И если я не ошибаюсь, то это не просто глаз, а око дракона.

— Что это? — спрашиваю у адвоката не в силах оторвать взгляд от браслета.

— Эту вещь вам передала льера Ванесса...

— Льера Ванесса? Кто это?

— Эммм... — тянет в замешательстве адвокат. — Ваша свекровь... Бывшая... И почившая... В свой последний день жизни она призвала меня к себе и попросила выполнить её

последнюю волю. А так как я уже много лет верой и правдой служу этой семье, я не смог ей отказать...

Беру браслет и интересом начинаю рассматривать.

Браслет слишком громоздкий, чтобы носить его повседневно, но в тоже слишком уродлив, чтобы одевать его в свет. Вдобавок этот глаз... Брррр... Мерзость какая!

— Но зачем мне этот браслет? Неужели он настолько ценен, что лъера решила передать его мне?

— Его ценность мне неизвестна, — адвокатус закрывает саквояж и встаёт. — Почившая лъера передала мне этот браслет со словами: " Эта вещь поможет ей вернуть сына...". Большого мне неизвестно. А теперь, позвольте откланяться....

Глава 18

Визит адвоката вносит в мою душу ещё больший раздрай.

Если раньше я хотя бы понимала, как мне стоит действовать дальше, и даже распланировала своё ближайшее будущее, то сейчас всё пошло не по плану.

Я прекрасно осознавала, что Дэймон придёт в ярость, когда узнает, что я не подписала отказ от ребёнка.

Нашего с ним сына... Моего сына...

О боги, да кого я обманываю? Я сколько угодно могу изображать из себя идеальную мамашку, могу делать вид, что безумно страдаю в разлуке... Но, беда в том, что ни в моей памяти, ни моём сердце не было ни капельки чувств к этому малышу!

Он чужой для меня...

Он сын Алессандры Гранд. Той. Прошлой! А я не она...

Возможно, мне стоило всё же подписать эти бумаги? Тогда бы и очередных проблем удалось избежать...

Я могла пойти по другому пути. Отказаться. Забыть. Уехать и начать новую жизнь...

Но сделай я так, подпиши тебе бумаги, я бы всю жизнь корила себя. Ненавидела. Презирала.

Господи! Ну почему всё так сложно?...

Погрузившись в себя, не сразу замечаю, что Арха вот уже

несколько минут стоит рядом со мной и с интересом рассматривает заклятый браслет, что привёз адвокатус.

— Занятная вещичка, — задумчиво произносит она.

Я вздрагиваю и перевожу взгляд на неё. Какое-то время бессмысленно смотрю на старуху, до меня не сразу доходит о чём она говорит. Но вскоре взгляд падает на браслет.

— По мне так полная ерунда. Можете взять себе, если понравился.

— Хм... Не в красоте да в ценности дело, — Арха подносит украшение как можно ближе к глазам, затем качает головой и кладёт браслет передо мной. — Нельзя! Твой он! Мой тебе совет, Алессандра: береги его. Как зеницу ока береги! Не показывай никому да не хвастай. Нутром чую, пригодится тебе ещё он.

По опыту знаю, Арха зря мутить воду не станет. Раз говорит, то так тому быть. Беру браслет со стола и надеваю на руку.

Удивительно, но стоит холодному металлу коснуться кожи, как браслет уменьшается до размеров запястья, сидит как влитой. Вытягиваю руку и "любуюсь" пугающим до дрожи уродством.

- Но что в нём такого? Разве может какая-то безделушка повлиять на нашу судьбу?

Лекарша сурово сводит брови и недовольно прицокивает языком.

— Ты, Алессандра, не спорь. Делай как велено. А пользу

его узнаешь, как время придёт. Одно могу сказать, не простой он... Артефакт это. Сильный. Точно знаю...

— Ну раз артефааакт, — тяну с улыбкой, — тогда точно возьму.

— Ох, дурында ты ещё, — старуха укоризненно качает головой, затем стучит мне пальцем по лбу. — Ум вроде есть, а опыта мало. Вспомнишь ещё меня, когда в праведности слов моих убедишься... Ну да ладно. Оставим это. Есть дела поважнее.

Взгляд Архи мрачнеет, плечи сникают и она, словно враз постарев, плетётся к окну. Там застывает и глухо, с нескрываемой болью, говорит:

— Уезжать тебе надобно б девка... Беда близко. Не сегодня – завтра примчится демон... Не выстоять нам против него. Права ты была: не место тебе рядом со мной. Ступай, собирайся...

Мне безумно жаль старую лекаршу. Её надежда, вера в меня... Всё оказалось пустым.

Поднимаюсь и ступаю к ней.

— Арха, дорогая...

— Ступай, говорю! — практически кричит она. — Нет у нас времени.

Понимаю права она.

Часто-часто моргаю, прогоняю набежавшие слёзы и практически бегом устремляюсь в выделенную мне комнатку, но вскоре в замешательстве останавливаюсь и оборачиваюсь.

— Арха? — вновь зову лекаршу.

— Ну? Чего опять? — ворчит и окидывает меня строгим взглядом.

Развожу руками и сконфуженно произношу:

— Так нечего собирать... У меня же нет ничего. Даже платье вот, — провожу рукой по старенькому наряду. — И то внучки вашей.

Старуха хмурится, поджимает губы, но спустя пару секунд выдаёт:

— А ты шкаф-то пробовала открывать? Там этих вещей вона сколько! Выбирай, что понравится да в сундуки укладывай!

— Но ведь все эти вещи вашей внучки! Как я могу? А если...

— Без если! — перебивает меня. — Делай как я говорю! Али думаешь я дура какая? Я ведь давно поняла: не вернётся она! Хотела б увидеться, давно бы приехала. Так что зазря языком не болтай, иди, собирайся! А я пока весточку одному давнему знакомому напишу...

Арха шаркающей походкой уходит.

Я же направляюсь к себе и начинаю опустошать чужой шкаф с чужими вещами...

Глава 19

Проходит чуть больше часа, но Архи всё ещё нет.

Сама я уже давно собрана и готова к отъезду.

Адреналин от всех этих эмоциональных качелей зашкаливает и я, чтобы хоть как-то успокоиться, наливаю себе чашечку успокаивающего отвара и усаживаюсь за стол.

Арху торопить не решаюсь. Нет смысла.

Проходит ещё четверть часа...

И наконец в кухню заходит старуха. Сразу же замечаю её покрасневший нос и припухлость глаз.

Неужели мой отъезд так на неё повлиял?

— Всё собрала? — между тем спрашивает она и подходит ко мне.

— Всё.

— Ну вот и славно. Поедешь по этому адресу, — кладёт исписанный лист передо мной и указывает на название улицы и номер дома. — Спросишь Лукаса Мартвили. Скажешь ему, что от меня. Ежели жив ещё, то поможет тебе устроиться... В гильдию поможет вступить.

— А этот Лукас, кто он? — вскидываю заинтересованный взгляд на Арху.

— Друг мой. Старинный. И ещё, — лекарша вынимает из кармана серебряную брошь и кладёт её мне на ладонь. — Передай ему это... Тогда точно не откажет. И вот письмо ему.

Старуха замолкает и, неожиданно всхлипывает. Обескураженно смотрю на неё и в этот момент меня озаряет: не по мне она больше часа слёзы лила! Ох, не по мне! Видно связывает их с этим Лукасом не просто старая дружба, а искренняя любовь...

Но в душу лезть к бабке не собираюсь. Не моё это дело. Делаю вид, что не замечаю её упаднического настроения, встаю и прячу брошь с письмом в дорожную сумку. Копаюсь, как можно дольше, даю время Архи прийти в себя. А когда выпрямляюсь, то старуха уже привычно строга.

— И где его, бестолочь, черти носят? — бранится она, тревожно поглядывая в окно, за которым уже начинается смеркаться. — Давно должен был из Макеевки вернуться. Ну Арсений! Ну задам я тебе! — машет кулаком, а затем поворачивается ко мне со словами: — Ты, Алессандра, готова будь, как только Арсений приедет, так сразу и в путь...

Но Арсений не возвращается ни через час, ни через два и даже не через три.

Всё это время мы изнываем от ожидания.

Ожидания и беспокойства. Страх, что в любой момент сюда может заявиться мой благоверный и устроить здесь самосуд, заставляет моё сердце испуганно сжиматься не только от каждого лая собаки, а даже от каждого едва слышного шороха.

Время, обычно столь стремительное, теперь кажется застывшим, будто песчинки в песочных часах враз замирают.

И когда за окном уже поздняя ночь, а нервы наши наколенны до предела, к дому наконец-то подъезжает повозка.

Спустя пару минут раздаётся приглушённый стук в дверь, и Арсений заходит в дом.

— Ты где шлёлся, дурья башка? — тут же набрасывается на него Арха. — Неужто опять за старое взялся? Так я тебя щас научу уму разуму!...

Лекарша хватает полотенце со спинки стула, замахивается и начинает наступать на возничего.

Арсений оторопело выпучивает глаза и осеняет себя крестом.

— Да не пил я. Богом клянусь не пил! А задержался оттого, что колесо в дороге сломалось. Вот пока починил, пока доехал... Так и стемнело уже. А что случилось-то, Арха? Неужто ехать куда приспичило? Не дай бог захворал кто?

Лекарша замирает на месте.

— Вот! — Арха взглядом указывает на меня. — Госпожу надобно до города свести. Адрес скажет тебе.

— Так может с утра...

— Я тебе дам с утра! — лекарша сурово упирает руки в бока. — Аль слова Архи для тебя ничего не значат? Раз сказала сейчас надо, значит вези!

Мужчина тяжело вздыхает и покорно кивает.

— Как скажешь, Арха, — спиной пятится к двери и исподлобья поглядывает на меня. — Я это... Там... На улице буду ждать.

— Куда? — вновь взрывается бабка. — А сундуки? Неужто госпожа сама станет таскать?

Перевожу недоумённый взгляд с Архи на единственный небольшой дорожный сундук и сумку — это всё, что я решила взять с собой в путь.

По мне, так и вправду сама бы справилась. Не такая уж и тяжёлая ноша.

Но Арсений послушно водружает сумку на крышку закрытого сундука, а затем, словно пушинку, подхватывает его, разворачивается и стремительно выходит из дому.

Когда возничий уходит, понимаю, пришло время прощаться.

Встаю и подхожу к Архе. Беру её за руки и тепло улыбаюсь.

— Арха... — начинаю, но старуха перебивает меня.

— Молчи, девка, не рви душу, — глухо, с надрывом говорит. — Уезжай!

Мне больно видеть, как старуха страдает. В её глазах буря эмоций, которую она так тщетно пытается скрыть от меня. Каждое моргание — это крошечная битва, попытка удержать хрупкую грань между спокойствием и отчаянием. В её глазах безнадежность — она снова остаётся одна.

Гулко сглатываю тяжёлый ком в горле и, несмотря на вялое сопротивление Архи крепко обнимаю её.

— Спасибо вам, Арха, — искренне, от всей души шепчу ей. — Спасибо за всё. Я всегда буду помнить вас. Я не могу

обещать, но я постараюсь вернуться... Позже. Когда всё уладится. И да... Я бы очень хотела, чтобы у меня была такая мудрая наставница как вы. Возможно, даже бабушка...

Не выдерживаю и громко всхлипываю, затем отстраняюсь, вытираю слёзы и отхожу к лавке, на которой меня, вот уже несколько часов, ждёт тёплый дорожный плащ.

Поднимаю его и накидываю себе на плечи.

Всё это время Арха молчит.

И в этом её молчании — вся она, настоящая, глубокая, бесконечно сильная Арха с ранимой душой.

— Пора... — окидываю силуэт старушки прощальным взглядом и покидаю дом.

На улице глубокая ночь. Темно так, что я едва различаю тропинку, что ведёт за ограду. Иду медленно, не спеша. Но вскоре по шагам за спиной понимаю — Арха идёт за мной. Становится сразу спокойней.

Не понимаю, как я стану существовать в этом чужом для меня мире без неё?

Не уверена смогу ли я, но должна попытаться.

За воротами различаю очертания крытой повозки и направляюсь к ней.

Подойдя, останавливаюсь, чтобы ещё раз попрощаться с Архой.

Старуха подходит и, в своей привычной манере, начинает ворчать на Арсения.

— Арсений! Дурень ты бородатый! Фонарь-то зажги! Аль

не воры какие, чтобы по потёмкам то уезжать!

В тот же момент свет фонаря бьёт по глазам, и я крепко зажмуриваюсь от яркого непривычного света, а когда открываю, смотрю уже не на Арху. Мой взгляд, словно замороженный, обращён ей за спину. Туда, где мелькает не меньше чем сотня огней..

Боги!

Мало того, что факелов тьма, так они ещё и плавно покачиваясь, приближаются к нам.

— Арха!? — испуганно вскрикиваю. — Посмотри!

Бабка оборачивается, и с её губ срывается злое ругательство.

Я же цепенею.

Не в силах оторвать взгляда от приближающихся огней, чувствую, как холодный пот стекает по спине. Сердце бьётся так громко, что, кажется, его отголоски разносятся по всей улице и даже проникают в дома.

Спустя какое-то время до меня доносится глухой и мерный стук копыт, который с каждой прошедшей секундой становится всё ближе и ближе. Но и это не помогает мне вернуться в реальность, лишь услышав окрик Архи, я вздрагиваю и начинаю спешно забираться в повозку.

— Погаси фонарь! — между тем кричит Арха. — И гони! Гони родненький! В объезд езжай!

— Опасно же!

Пытается возразить Арсений, но тщетно. Бабку никто не

смеет послушаться. И Арсений не смог.

Уже через мгновение повозка срывается с места и ныряет во тьму.

Колеса стучат по неровной дороге, выбивая ритм, который сливается с бешеным стуком моего сердца. В тот момент я уже отчётливо понимала, что ночные всадники едут по мою душу.

Оставалось одно — надеяться и, как бы глупо это не звучало, молиться.

Молиться, что нас не догонят...

Глава 20

Повозку подбрасывало на каждом ухабе, трясло на каждой выбоине, но Арсений будто бы не замечал этого. Он раз за разом замахивался кнутом, кричал, грозился прибить бедную лошадь. Мужчина всеми мыслимыми и немыслимыми способами пытался оторваться от всадников, что ехали нам по пятам.

Прижавшись к заднему борту повозки и схватившись руками за деревянные плахи, я с всепоглощающим страхом наблюдала за приближающимися огнями. Самих преследователей не было видно, но по мерцающим факелам можно было с лёгкостью определить, что за нами мчатся шестеро всадников. И к моему огорчению, не смотря на старания Арсения оторваться от них, люди Дэймона неумолимо приближались.

На очередном повороте повозку так занесло, что Арсению с огромным трудом удалось выправить её и не дать нам свалиться в овраг. Тогда-то я и поняла, что передо мною стоит безжалостный выбор: либо мы неизбежно расшибемся в этой гонке и тогда жертв будет двое, либо я добровольно сдамся в руки преследователей.

Даже не задумываясь, я выбрала второе.

Я не могла позволить, чтобы Арсений пострадал из-за меня.

Разжав побелевшие пальцы, я практически поползла к то-

му месту, где сидел мужчина. Но повозку продолжало швырять из стороны в сторону, отчего эти полтора метра до возничего показались мне чуть ли не вечностью. Несколько раз я падала, пару раз меня откидывало обратно в задок повозки, при этом больно ударяя об дерево, но я, с настырностью утопающего поднималась и вновь продолжала ползти.

И в конце, когда сил практически не осталось, я наконец добралась до возничего. Схватив его за руку, я, что есть мочи, закричала:

— Останови!!!

Но Арсений лишь мазнул по мне недоуменным взглядом и вновь замахнулся кнутом на коня.

— Стой! Прошу тебя! Останови! Разобьемся же! — верещала я, как безумная.

Но возничий не реагировал. Он в очередной раз взмахнул кнутом и отпустил его на круп лошади.

Животно резко дёрнулось и ещё пуще прежнего побежало вперёд, отчего меня вновь откинуло в зад.

— Безумный... — прошептала я и вцепилась за ближайший борт, чтобы хоть как-то удержаться в повозке.

Неожиданно, позади нас послышались мужские ругательства, крики и приказы остановить. Через прохудившуюся ткань я увидела, что всадники, преследовавшие нас, уже практически рядом с нами. Один из них прищпорил коня; он со скоростью ветра обогнул саму повозку и выхватил вожжи у Арсения. И только после этого повозка стала замедлять

ход, а вскоре и вовсе остановилась.

Стоило этому произойти, как один из мужчин спешился, приблизился и грубо схватил меня за руку.

— Льера Алессандра, — звучно, безэмоционально позвал он. — Прошу вас поехать со мной.

Моя попытка освободить руку не увенчалась успехом, а лишь разозлила преследователя.

— Прошу простить меня, льера, но у меня приказ.

Он резко дёрнул меня на себя, и я зашипела от боли. Но это не остановило мужчину. Силой вытащив меня наружу, он всего на мгновение разжал свой захват, и то только для того, чтобы запрыгнуть на лошадь, затем склониться, рывком поднять меня и посадить перед собой.

Я сделала очередную попытку вырваться и едва не свалилась с коня прямо ему под копыта. Благо всадник вовремя заметил это и успел перехватить меня. Рукой обвив мою талию, он крепко прижал меня к себе. Прижал с такой силой, что я и вздохнуть не в силах была.

— Кто вы? Что вам нужно? — практически просипела.

Но всадник молчал. Лишь хватку ослабил. Пришпорив коня, он пустил его в обратную сторону.

Тогда я решила зайти с другой стороны.

— Как вы смеете так со мной обращаться!? — вскрикнула так, как бы сделала это настоящая хозяйка тела. — Вы хоть понимаете с кем имеете дело? Я льера! Я госпожа!

Но...

Всё впустую.

Мужчина, сидевший позади словно не слышал.

Да этот бесчувственный чурбан демонстративно игнорировал меня!

Оставалось только смириться и надеяться на благоразумие Дэймона.

"О боже! — я едва не рассмеялась, когда вспомнила к кому меня везут. — На какое благоразумие можно надеяться, если речь идёт о моём бывшем муже! Он зверь! Лютый. Безжалостный. И бессердечный. Такому не знакомо такое чувство, как милосердие!"

Глава 21

Мне показалось, что на обратную дорогу у нас ушло вдвое меньше времени.

Просто раз, два и вот уже лошадь, бежавшая галопом, резко останавливается у дома Архи, а сидевший позади мужчины отпускает меня. Не ожидавшая такой подставы с его стороны, я не успеваю за что-либо ухватиться и лечу на землю вниз головой.

Как я тогда не расшиблась, одному богу известно.

А вот ударилась знатно.

Но жгучая боль словно вернула меня к реальности. Именно в тот момент я поняла: я не сдамся так просто. Я стану бороться за свою жизнь. Как? Неважно. Пусть мне придётся убить, но я должна постоять за себя. Раз высшие силы переместили меня в это тело, значит я обязана выжить.

Волна острой, как нож обиды разгорелась в душе.

Подняв голову на своего обидчика, я зло прошипела:

— Ублюдок!

Но мужчина даже не удостоил меня взглядом. Спрыгнув с лошади, он намотал на руку узду и отошёл в сторону.

Сцепив зубы, чтобы мои враги не слышали ни одного стоны боли и сжав руки в кулаки, я начала подниматься. Но вдруг, прямо над головой, раздался приятный мелодичный голос.

— Ты заставила меня ждать, Алессандра.

Я замерла.

Откуда здесь женщина? Я ожидала, что меня ждёт встреча с взбешенным Дэймоном, но никак ни особой женского пола.

Медленно встав, я подняла голову и застыла.

Передо мной стояла незнакомая женщина.

Очень красивая.

Её аристократичные, благородные черты лица излучали утончённость, а высокие скулы, грациозно очерченные губы и тонкий нос создавали гармоничный ансамбль. Но больше всего меня поразил её взгляд: надменный, холодный и в тот же момент завораживающий.

— Кто вы? — недоумённо спросила её.

Женщина прошлась по моему лицу изучающим взглядом.

— Хм... — задумчиво изрекла она. — Значит, Дэймон не врал, когда говорил, что ты потеряла память. Хотя... Ты и не должна меня помнить. Мы с тобой виделись-то всего раз. И то, тогда ты была в не себе от горя.

Её слова мне не о чём не говорили. Но где-то глубоко в душе я уже начала понимать кто она. Просто не готова была признать себе то, что именно из-за этой зазнобы, (не)мой муж предал меня.

Значит, она лучше меня?

Отступив на шаг, я склонилась и попыталась стряхнуть с платья грязь, что успела прилипнуть к одежде во время па-

дения. Но стоило ладоням прикоснуться к наряду, как я тут же пожалела об этом. Зашипев от боли и с ненавистью посмотрев на пятна от крови, что остались от израненных ладоней, я отбросила эту затею.

Глупо, что в тот момент меня заботил мой внешний вид. Но в то же время, рядом с этой особой я чувствовала себя замарашкой. Хотя отнюдь такой не была.

Выпрямившись, пригладила растрёпанный волос и с вызовом посмотрела на ту, из-за которой погибла хозяйка тела, что я заняла.

— Зачем вы здесь? — как можно увереннее произнесла, но после мой голос дрогнул. - Он... Дэймон... Где сейчас он? И где Арха?

Меня не так страшила встреча с бывшим, как грызло беспокойство за лекаршу. Не смотря на то, что всё пространство возле дома Архи было освещено, саму я её нигде не увидела.

— Не бойся, — женщина едва заметно улыбнулась. — Дэймон сейчас в нашем замке. И, надеюсь, крепко спит. А бабка твоя, — тень брезгливости пробежала по её лицу. — Она в доме. С ней всё в порядке.

Фух... Главное, Арха жива.

Я с облегчением выдохнула и вновь повторила:

— Что вам нужно от меня? Если вы приехали, чтобы переубедить меня, то напрасно! Я не откажусь от сына!

Моя собеседница слегка склонила голову и смирла меня оценивающим взглядом.

— Ты уверена? — изогнув брови, она словно окатила меня волной холода.

— Да... Да! Я уверена! Кристиан Гранд мой сын! И я знаю, что он жив!

— А если так? — женщина усмехнулась и сделала жест рукой.

В тот же момент ко мне подбежали двое мужчин. Схватив меня, они скрутили мне руки и заставили упасть на колени. Один из них схватил меня за волосы, силком поднял мою голову и заставил смотреть на их госпожу. Второй вынул кинжал из-за пояса и приставил мне к горлу.

— Ну? Что теперь скажешь?

Она подошла ближе и провела кончиком пальца мне по щеке.

— Если я прикажу, они, не задумываясь, перережут тебе горло. Ты этого хочешь? — её голос звучал вкрадчиво, словно проверяя меня. — В этом случае ты откажешься от него?

Слёзы обжигали глаза. Дыхание перехватило. А саму меня колотила крупная дрожь.

— Нет... Не откажусь! — слова сами слетели с губ.

Умом я не понимала, что я творю? Это ведь даже не мой ребёнок! Так почему я должна жертвовать собственной жизнью ради чужого дитя? Но что-то, внутри меня, сопротивлялось, не давало поступить по другому.

Закрыв глаза, я приготовилась поплатиться за своё упрямство.

Прошло, наверное, чуть больше минуты. И это время показалось мне вечностью.

— Прекрасно! — неожиданно вскрикнула женщина. — Это то, что я и хотела от тебя услышать!

Я удивлённо распахнула глаза.

— Отпустите её! — приказала она.

Кинжал тут же перестал давить на горло, а руки стали свободными.

— Встань!

Ноги от пережитого стресса дрожали, но мне всё же удалось подняться без чьей-то посторонней помощи. Встав, я непонимающе посмотрела на ту, что так жестоко поиграла со мной.

— Прости, — она небрежно пожала плечами и горько усмехнулась. — Я должна была убедиться, что с тобой он будет в безопасности.

— Кто — он?

Она сделала жест рукой и из кареты, стоящей позади неё вышла ещё одна женщина. В руках она держала большую плетеную корзину и, судя по тому с какой бережностью она её несла, внутри было что-то очень ценное. Приблизившись, она застыла за спиной своей госпожи.

Я перевела недоуменный взгляд с корзины на гостью. И обратно.

Я совершенно ничего не понимала!

Неожиданно, внутри корзины что-то зашевелилось и до

меня донесся недовольный писк...

Глава 22

О, боже! Неужели это то, о чём я даже думать не смела...

Но зачем этой женщине привозить мне ребёнка?

Я перевела ошеломленный взгляд на избранницу Дэймона. В моей голове была уйма вопросов, но я даже рта не успела открыть, как она первой начала говорить:

— Алессандра, по прошествии время я поняла какую ошибку мы совершили, отняв его у тебя. И я решила это исправить, — она кивнула женщине, которая судя по всему была кормилицей малыша. — Отдай ей его.

Та спешно приблизилась и протянула мне корзину.

Я машинально потянулась к ручке, но буквально через секунду опустила руки и отступила. Я не верила ей. Не понимала, с какой это стати она решила вернуть мне сына. Возможно, скрытый подвох? Или ещё что-то, чего я не знала?

Или просто не помнила...

Я смерила женщину моего бывшего мужа пристальным взглядом. В её глазах я хотела найти ответ, хотя бы на один из вопросов. Но какого же было моё удивление, когда вместо ответов я увидела неприкрытую боль. Я не могла поверить в то, что она - совершенно чужая женщина для моего сына, смогла искренне его полюбить.

— Зачем? — прошептала одними губами. — Зачем вы это делаете? С какой целью привезли его сюда?

Она глубоко вздохнула и с глубокой нежностью посмотрела в корзину. Уголки её губ дрогнули в грустной улыбке.

— Мне больно признавать, но ему будет лучше с тобой, — она усмехнулась. — Раньше я всегда думала, что деньги решают всё. Но оказалось, что никакие богатства не смогут заменить ребёнку родную мать. В тот день, когда ты покинула замок, мой малыш... Прости, твой сын... Он начал слабеть. Он отказывался от еды и постоянно плакал. Дэймон говорил, что это нормально. Твердил, что это ребёнок, а значит ему положено плакать... Но я-то видела, что с каждым прошедшим днём ему становится только хуже. Он угасал рядом со мной, Алессандра!...

Она замолчала, словно ей требовалось время, чтобы собраться с мыслями. И вскоре, смахнув слёзы с ресниц, она продолжила говорить:

— Ваша связь, она нерушима. Зря мы вообще всё это затеяли. Но кто же знал, что он не смирится. Твой сын, Алессандра, он не принял меня. Я не знаю поверишь ли ты... Но я полюбила его! Всею душой привязалась к нему! Ты знаешь, мне совершенно безразлична твоя судьба. Но он... Он умрёт без тебя. Ради него! Только ради него, я поступаю так. Надеюсь, ты сможешь позаботиться о нём... — всё это время она говорила размеренно, но в конце неожиданно закричала: — Ну и чего же ты медлишь, Алессандра? Возьми его! Забери сына! Иначе я верну его Дэймону!

Услышав имя бывшего мужа, я тут же активизировалась.

Я не могла допустить, чтобы этот ребёнок рос рядом с чудовищем. Пусть я не мать ему, но всё же смогу воспитать из него порядочного человека. Стремительно приблизившись, я вырвала корзину из рук кормилицы и вновь отступила. Удивительно, но корзина была до жути тяжёлой. Словно внутри неё находился не один новорожденный, а как минимум пять. Вцепившись обеими руками в ручку, я с трудом держала её на весу.

Но следующая мысль, заставила меня позабыть обо всём.

— Но Дэймон! — испуганно вскрикнула я. — Ты же привезла мальчика сюда без его ведома! Дэймон ни за что не смирится с твоим решением! Он придёт в бешенство, когда узнает, что Кристиан у меня.

— Ты права, — она небрежно кивнула. — Сейчас Дэймон крепко спит. Я подлила ему сонного зелья в вино, но утром, когда он проснётся, то будет в ярости не обнаружив сына в детской. Поэтому ты должна бежать! Куда угодно! Но подальше отсюда. Прошу тебя, сделай так, чтобы он никогда вас не нашёл!

— Неужели ты совсем не боишься его?

Она рассмеялась, словно безумная.

— Алессандра, — сквозь смех выдавила она. — Он мог издеваться над тобой, но никогда не посмеет в открытую враждовать со мной. Он не посмеет навредить мне!

Пришла моя очередь смеяться. Только в отличии от моей собеседницы, в моём смехе не было безрассудства. Я смея-

лась зло, практически издевательски.

— Ты думаешь ваша любовь настолько сильна? - спросила я у неё, отсмеявшись. — Так позволь напомнить тебе, с кем ты живёшь. Вспомни, как он поступил со мной. Он не человек! У него нет сердца! Этот безжалостный, моральный урод не умеет любить!

— Пффф... — пренебрежительно фыркнула она. — Алес-сандра, между мной и тобой огромная разница. Ты — без-родная девка, привезенная в замок из монастыря. Я — знат-ная льера, за спиной которой мощная власть. Если Дэймон решит мне отомстить, он жестоко поплатится за это. Мой отец обладает такой силой, что Дэймону и не снилось. А лю-бовь? Знаешь ли, мы не звери и тоже умеем любить. Я же смогла полюбить твоего сына! Возможно Дэймон не любил тебя, но я уверена он любит меня! А ваш брак - это случай-ность, глупая прихоть Ванессы. Эта старуха вбила себе в го-лову, что в твоих жилах течёт древняя кровь. Не потребуй тогда она вашего союза, то вы бы никогда даже не встрети-лись... Впрочем, теперь это всё не важно. Всё в прошлом. А ты... Ты сейчас попусту теряешь время на разговоры со мной... Тебе пора уезжать. Да и мне стоит быть рядом с лю-бимым, когда он проснётся. Прощай, Алессандра!

Женщина бросила прощальный взгляд на корзину, а по-сле скрылась в карете.

Я знала - она права. Поэтому не стала медлить и, перехва-тив корзину поудобнее, поспешила к дому.

Слова о том, что ребёнок с каждым днём чувствует себя хуже, напугали меня. Перед отъездом я должна была осмотреть его и убедиться, что кроха сможет пережить дорогу.

Войдя в дом, я сразу же увидела Арху.

Она сидела за столом, опустив голову себе на руки, но услышав шум открываемой двери, вскочила и изумленно уставилась на меня.

— Алессандра!? — неверяще прошептала она.

— Помоги мне, Арха, — я устремила к столу и поставила на него корзину.

В том месте, где я держалась за ручку, были видны отчётливые следы крови.

Это было первым, но что обратила внимание лекарша.

— Что это? Что там произошло? Ты ранена? — она схватила меня за руки и стала осматривать раны.

— Это неважно, — я отдёрнула руки. — Ты только посмотри, кого я к тебе принесла!

— Ну? — старуха нахмурилась и, взглянув в корзину, тихо охнула. — Это же...

— Мой сын, — закончила я за неё. — Нужно срочно осмотреть его. Она... Та женщина, что привезла его, сказала, что он болен...

Глава 23

Арха потянулась к младенцу, но я остановила её, положив ладонь на её руку.

— Я сама.

Казалось бы лекарша должна была отступить, но она, вместо этого, недовольно на меня посмотрела, покачала головой и, не терпящим возражения тоном, строго произнесла:

— Посмотри на свои руки, — она кивнула на израненные при падении ладони. — Всё ведь кровью заляпаешь. Ступай, обработай раны, да перевяжи. А я пока дитё осматрю.

Я в смятении замерла.

Головой я понимала, что Арха права и мне стоит заняться собой, но в то же время сердце сопротивлялось. Я хотела собственноручно убедиться в том, что ребёнок здоров.

Старуха прищурилась и с подозрением на меня посмотрела.

— Или не доверяешь?

Стыдно признаться, но я действительно не доверяла. Только вот не самой Архе, а нынешнему, допотопному образу жизни. Но признаваться в этом мне не хотелось. Да и что бы я ей сказала? Что попала в их средневековый мир с более развитого? Что медицина, да и вообще наука, далеко шагнула вперёд? Нет. Нельзя. Как бы я не доверяла Архе, ещё неизвестно как она отреагирует на мои откровения. По-

этому, кивнув, я отошла к сундуку, где у лекариши хранились заранее подготовленные "бинты" и различные флакончики с настоями трав.

Но стоило мне отойти, как за спиной раздался слабенький недовольный плач.

Я встревоженно обернулась.

Лекариша уже достала малыша из корзины, распеленала его и, постелив чистую простынь, положила его прямо на стол. А после в ход пошли её волшебные руки: она быстрым движением обследовала голову Кристиана, затем осторожно пропальпировала живот, закончив, нежно погладила и склонила голову к его груди.

"В ход пошёл живой стетоскоп" — грустно подумала я и принялась обрабатывать руки.

Наспех отмыла засохшую грязь, обильно смочила царапины спиртом, после, вынув из сундука пару лоскутов чистой ткани, перевязала ладони. Убедившись, что повязки не спадут при движении, я подошла к столу.

— Как он? — спросила у Архи, которая уже закончила свой осмотр, а сейчас мило ворковала с дитём.

Тот, на удивление, больше не плакал. Широко открыв глаза он со всей серьезностью, на которую вообще способны младенцы, смотрел на старуху.

— Здоров он, — коротко ответила она. — Слабенький только. Но это не страшно. Забота матери и хорошее питание помогут ему. Ох, и славный сын у тебя! И не смотри, что

тощий, защитником вырастет.

Она выпрямилась и ободряюще улыбнулась мне. Но не смотря на улыбку, застывшую у неё на губах, сама Арха выглядела встревоженной.

— Я одного не могу понять, — она недоумённо свела брови. — Почему она вернули его тебе?

— Они и не возвращали...

— Как это?

— Кристина привезла новая женщина Дэймона. Сам же он пока не знает о том, что сын у меня.

— Ох ты ж... - старуха испуганно прикрыла пальцами рот. - Та это ж... Да как же? А что будет-то? Ох, беда за бедой!

— Уезжать нам нужно, Арха. Прямо сейчас уезжать. Только вот поможет ли? С ребёнком на руках мне будет тяжело затеряться. Боюсь, что даже в городе он нас найдёт. Да и примут ли теперь меня в гильдию? С довеском-то на руках?

Арха покачала головой.

— О гильдии и думать забудь. А ежели с сыном остаться хочешь, то и в город тебе отныне дорога закрыта.

Именно этого я и боялась. А старуха, к моему огорчению, лишь подтвердила мои опасения.

В тот момент меня охватило такое сильное чувство отчаяния и безысходности, что стало трудно дышать. Неужели, ни у меня, ни у этого ребёнка нет будущего? Ведь когда Дэймон узнает правду, он непременно примчится сюда. Меня, скорее всего будет ждать смерть, а Кристиан... Нет. Он конечно не

причинит сыну вреда, но выживет ли младенец без матери?

Моё упадническое настроение, словно передалось сыну, обиженно оттопырив нижнюю губу, он громко заплакал. Завернув его в простынь, я взяла его на руки и, тихонько покачивая, прижала к груди.

— Арха, милая, я не знаю, что мне делать. Куда я пойду с ним? — с полной безнадежностью в голосе, спросила её.

— Подумать нужно... — Арха присела на стул и устремила задумчивый взор на нас.

Неожиданно она спросила:

— Арсений где?

А ведь действительно, где Арсений? В последний раз я видела его, когда тот мужлан сажал меня на коня. Неужели...? Нет. Те люди, что гнались за нами, не получали приказа нас убивать. Значит, он жив.

Но где тогда он?

Я покачала головой, давая понять, что не знаю.

Старуха поднялась и поспешила к двери.

Спустя пару секунд дверь за Архой с глухим стуком закрылась.

В моих руках Кристина быстро успокоился и теперь спал.

Свободной рукой поправив одеялко в корзине, я бережно положила сына обратно.

Смотря на спящего малыша, я в который раз убедилась насколько непредсказуема наша жизнь. Ещё чуть больше месяца назад я жила в цивилизованном мире, работала на лю-

бимой работе, имела неплохой достаток, чувствовала себя в полной безопасности, а самое главное - о детях и думать не смела. А что я имею сейчас? Я в совершенно отсталом мире, без денег, без связей. Да у меня даже дома нет! Ко всему прочему бывший муж готов меня придушить и это несмотря на то, что, как будто бы я, родила ему сына.

Что же мне делать с тобой мой хороший? Как уберечь?

Я, едва касаясь, погладила малыша по щеке.

Удивительно, но Кристиан неосознанно улыбнулся в ответ. Это было так нежно и трогательно, что невольные слёзы обожгли мне на глаза. Наверное, именно в тот момент я осознала, что отныне я не одна. У меня есть он — мой сын. И пусть в моём сердце ещё нет любви к этому крохотному ангелочку, но, надеюсь, со временем я смогу полюбить его и стану для него настоящей матерью.

Глава 24

Вскоре вернулась Арха с возничим.

Уже с порога, лекарша начала говорить:

— Значит так, Алессандра, — она прошла к столу и, убедившись, что Кристиан спит, понизила голос и продолжила громким шепотом: — Есть у меня одна мысль, как жизни ваши спасти. Ты только не вздумай перечить и делай так, как я говорю.

Она замолчала и смерила меня испытующим взглядом.

А я что? А я и не думала возражать.

Кивнув, я наострила уши.

Было до жути любопытно узнать, что же там придумала Арха.

— Арсений отвезёт вас с дитём в мой старый дом...

Услышав, что мне вновь придётся отправляться в дорогу с возничим, я не выдержала и перебила старуху.

— С ним? Опять? Да он же меня чуть не убил!

Арха недовольно поморщилась и перевела взгляд на Арсения.

— Ты чего это удумал?

Возничий виновато понурил голову.

— Прости меня, Арха! И вы, льера, простите. Я как погоню приметил, так словно пелена перед глазами. В голове одно — оторваться! Не видел ничего и не слышал... Вот вам

крест, — мужчина стянул шапку и осенил грудь крестом. — Больше не повторится.

Лекарша выжидающе уставилась на меня.

А у меня и выбора-то не было — либо с Арсением, либо пешком.

— Ладно, — уныло произнесла. — Прощаю тебя. Но впредь, прислушивайся к тому, о чём я тебя попрошу. Я теперь не одна, сын со мною поедет.

Возничий понятиливо кивнул и его губы дрогнули в нерешительной улыбке.

Арха с облегчением выдохнула.

— Ну так вот... — продолжила она. — Поедете в мой старый дом, там вас сам чёрт не сыщет. Дом небольшой, но вам места хватит. Места там тихие. В деревне от силы сотня домов. А поблизости лишь несколько старых усадеб. Сам дом стоит на отшибе, мало кто из деревенских туда заглядывает. А ежели всё же заявятся к вам, скажешь, что ты внучка моя... Вот решила в родные края вернуться...

— Но...

— Молчи, Алессандра! Молчи да слушай! Прознать, что ты не она, не должны. Мы когда из того дома уехали, она ещё совсем мелкой была. Возраст у вас одинаковый, фигуры похожи. Вот только волос... У неё темнее грива была. Но у крестьян и без вас дел хоть отбавляй, дай бог и не заметят различий... — старуха замолчала, собираясь с мыслями и спустя пару минут продолжила говорить: — Путь предстоит вам

не близкий. В деревни да на постоянные дворы не заезжайте. Ежели только за свежим молоком для дитя. Сама должна понимать, что чем меньше вас видят, тем лучше для вас...

Арха вновь замолчала, переводя дух.

И я воспользовалась этим моментом, чтобы спросить:

— А как же ты, Арха? Дэймон приедет сюда! Не обнаружив нас здесь, он сорвёт злость на тебе! Прошу, поехали с нами!

Лекарша изогнула губы в горькой ухмылке.

— Прошло моё время бояться, — в её голосе действительно не было ни капли страха. — Уж если пришло время моё, значит на то воля Божья. Это вам ещё жить да жить...

Она махнула рукой и устремилась к комоду, в котором хранились запасы.

— Нужно собрать как можно больше еды, — лекарша начала выкладывать на стол всё, что не могло испортиться по пути. — Арсений?

— Слушаю, Арха, — возникший спешно подошёл к ней.

— Ступай, пройдишь по комнатам и собери как можно больше одеял. Да поспеши! Ночи сейчас холодные, а ночевать вам придётся... вообще, где придётся.

Арсений кивнул и скрылся за занавеской.

— А ты, Алессандра, простыни все собери. Будешь рвать их да пелёнки малому менять. Ведь для него, что главное, — она кивнула на корзину. — В сухости, в тепле да сытым быть... Да что я тебе рассказываю! Ты, девка не глупая, сама

всё понимаешь.

На сборы у нас ушло не так уж и много времени, а вот скарба, что нам предстояло взять с собой, образовалась целая куча.

Обведя взглядом собранные вещи, Арха довольно вздохнула.

— Ну вроде бы всё собрали. Арсений? Стаскивай всё в повозку! Да сенца, сенца свежего постели!

И пока возничий переносил собранные вещи в повозку, лекарша продолжала меня наставлять.

— В дороге, кто спросит, семья вы! Арсений муж, ты жена, а Кристиан плод любви вашей. А то видано ли это, чтобы незамужняя девка с чужим мужиком да в придачу с дитём болталась! — Старуха скрылась в той комнате, что ранее занимала я, но даже оттуда она продолжала меня поучать. — Как до дома-то доберетесь, Арсения не гони! Пусть первое время с вами живёт. По хозяйству подможет, да дом подлатает... Работы там, наверное, уйма!

Спустя пару минут Арха вернулась в кухню, держа в руках чистых плащ. Вручив его мне, она устало присела на табурет.

— Ну вот и всё, — тихо выдохнула. — В этот раз прощаться не будем... Ну? Чего застыла? Хватай сына да к повозке ступай! Времени и так много потеряно!

Накинув плащ, я подхватила корзину и, бросив прощальный взгляд на старуху, вышла из дома...

Дом Архи (НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ)...

За окном светило яркое солнце, когда к дому лекарши подъехала кавалькада из всадников. Остановив коней у ворот, они спешили и, заняв выжидательные позиции, начали хмуро осматриваться.

Один из всадников разительно отличался от своих спутников — богатая одежда, величественная осанка и холодный надменный взгляд выдавали в нём господина.

Спрыгнув с коня, он быстрым уверенным шагом направился к дому. За ним последовали двое стражников, их шаги, словно эхо, отдавались в тишине совершенно пустынной улицы.

Пнув ногою калитку, отчего та, содрогнувшись, тихо отворилась, он вошел во двор и, не обращая никакого внимания на рвущую на цепи собаку, устремился к двери.

Каждый его шаг был размеренным, словно ритуал, а взгляд, устремленный вперед, излучал холодную решимость.

Толкнув дверь рукой, он вошёл в дом.

Мазнув глазами по помещению, он остановил свой взгляд на старухе. Лицо её не выразило ни тени удивления при его появлении. Она словно знала, что он придёт, ждала его.

— Где она? — без всяких предисловий, голосом полной ярости спросил он.

Лекарша молчала. Она смотрела на него и в то же время, словно сквозь него. В её глазах не было страха, мольбы. Не было того, к чему Дэймон был так привычен. Никто не осме-

ливался вот прямо смотреть на него. И это ещё больше взбесило его.

В два шага преодолев разделяющее их расстояние, он схватил старуху за горло, сдавил, выждал пару секунд, а затем отшвырнул от себя. Тело Архи ударилось об стену и с глухим стуком упало на пол.

Он вновь подошёл к ней, схватил за плечи и, подняв, словно куклу поставил перед собой.

— Где Алессандра!? — прошипел сквозь зубы. — Где эта дрянь!? Куда она увезла моего сына?

Но лекарша продолжала безмолвствовать, лишь в её глазах разгорался дикий огонь.

Тогда он со всей силы встряхнул её, отчего голова её резко запрокинулась, а зубы щелкнули, оставляя болезненные отметки на губах.

— Говори, ведьма! Иначе убью! — теряя контроль, закричал он.

Собравшись с силами, Арха выпрямилась, подняла голову и с ненавистью плюнула ему в лицо.

— Мерзкий упырь, — прошептала она и вдруг расхохоталась, а после сквозь смех добавила: — Тебе никогда не найти их!

Мужчина вытер кровавую слюну со щеки, с омерзением обтёр ладонь о её платье, затем с силой ударил ту по лицу. Старуха отлетела в сторону и упала на пол.

Медленно, как хищник, он вновь подошёл к ней, толкнул

ногой и, склонившись, процедил:

— Будь уверена, я найду их. С твоей помощью или без неё, но я найду их! Но для тебя, ведьма, будет лучше, если ты расскажешь мне, куда они поехали. В этом случае я обещаю тебе лёгкую смерть.

Арха с болезненным стоном приподнялась и с вызовом посмотрела на него.

— Ну же! Делай то, зачем приехал! А о том, где они, я тебе всё равно не скажу!

Какое-то время он смотрел на неё, затем резко отпрянул и, не оглядываясь, пошёл к выходу.

— Избавьтесь от неё! — с полным безразличием бросил приказ через плечо. — А после сожгите здесь всё!

В тот же момент к старухе бросились двое стражников, один из них доставал кинжал на ходу...

Сам же Дэймон вышел во двор, осмотрелся по сторонам и, сплюнув себе под ноги, направился к своему скакуну. Запрыгнув в седло, он окинул пустынную улицу взглядом и приказал:

— Обыщите каждый дом! Найдите мне того, кто видел, как она уезжает! Я уверен, в этой клоаке невозможно ничего утаить, а значит должен быть тот, кто знает...

Глава 25

Возничий уныло погонял свою лошадь и изредка поглядывал себе за спину.

Он старался не подавать виду, но его беспокоило состояние госпожи и её сына. Он видел, что льера, вверенная ему Архой, уже до крайности изнурена дорогой. А уж её дитя и тем более.

Следуя указам Архи, они ещё ни разу не заночевали в нормальных условиях. Сам он спал прямо на земле — возле коистра, льера и её сын в повозке — на сене, накрытые одеялами. В деревни не заезжали. Постоялые дворы объезжали. И даже, когда дитю требовалось молоко, он ходил сам, пешком.

К пятому дню их поездки он уже не так страшился погони, как боялся за своих спутников.

Им нужен был отдых. Горячая еда, полноценное мытьё и хотя бы ночь передышки.

Тогда он решился и предложил заночевать эту ночь в близлежащей деревне.

Какое-то время льера сомневалась и даже отговаривала его, но всё жизнь ребёнка была важнее и вскоре они свернули с дороги. Было решено не ост

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.